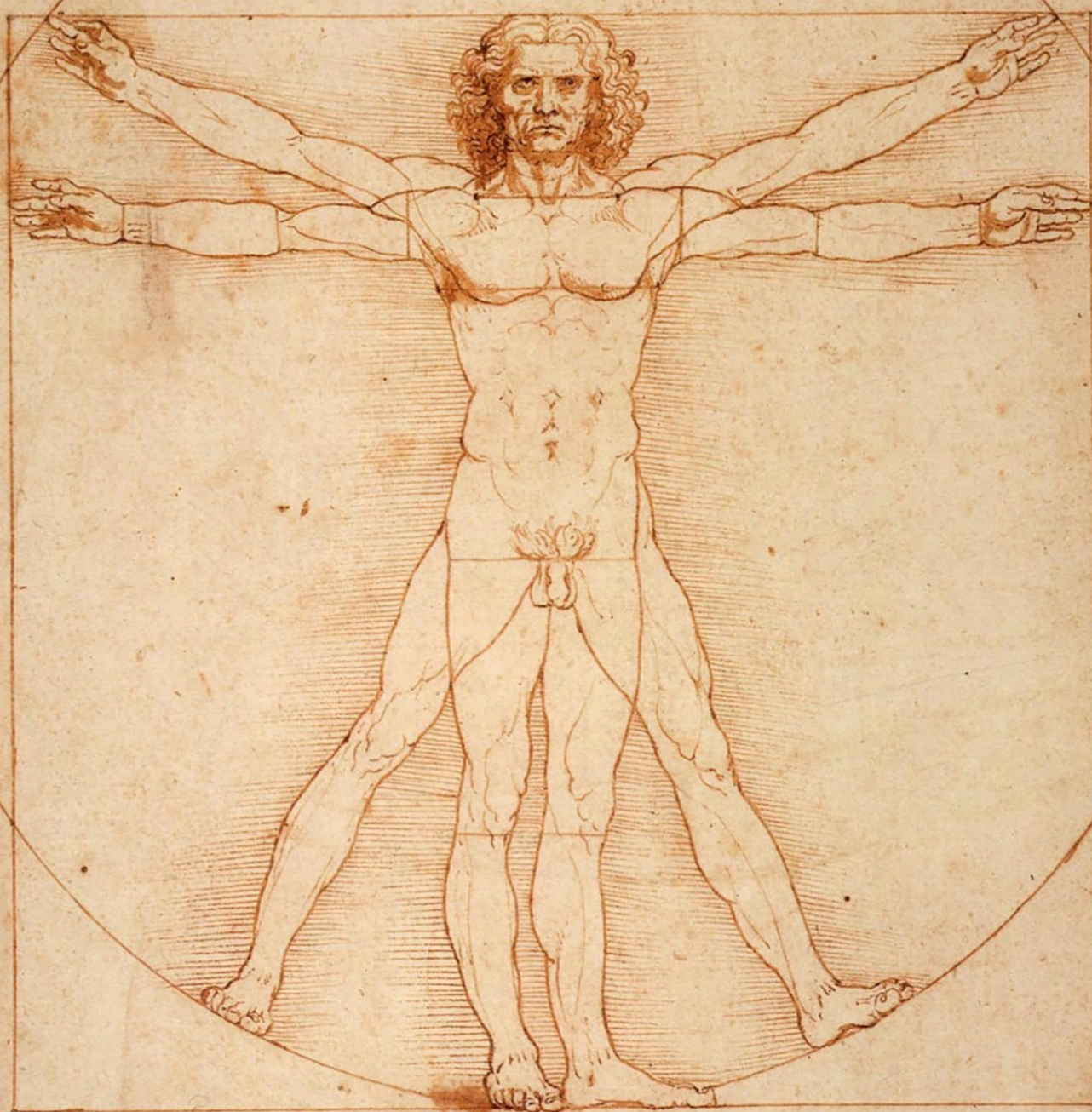

Леонид Кузнецов

Психоанализ второй ступени

16+

Леонид Кузнецов

Психоанализ второй ступени

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Кузнецов Л. В.

Психоанализ второй ступени / Л. В. Кузнецов — «ЛитРес: Самиздат», 1999

Книга адресована тем, кто готов овладеть техниками изменения состояний сознания. Овладение приемами, позволяющими пребывать в состоянии внутренней тишины и покоя, позволит, в свою очередь, приступить к процессам творческого взаимодействия с пространственно-временными реальностями и преобразования обстоятельственного рисунка как собственной жизни, так и Жизни в ее едином, универсальном бытии.

Содержание

От редакции	5
Предисловие	6
Вступление	8
Умного судьба ведет, а глупого тащит...	10
Люди и муравьи	21
Теория и технология веры	34
Болевые пороги. Инстинкт	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

От редакции

Внутренне неукоснительно базируясь на фундаментальных положениях как древних, так и современных эзотерических учений, автор в очень доступной и в то же время строго выдержанной манере излагает универсальные принципы и приемы, с помощью которых ищущий разберет и минует многие утомительные ловушки подсознания на пути своих духовных поисков, получит реальную поддержку и помощь в деле исследования деятельности механизмов своей личности, что, в свою очередь, позволит ему эффективнее справляться как с эмоциональными, так и с чисто энергетическими проблемами своей повседневной жизни.

Особую ценность книге придает безупречно прочная опора пишущего на внеличные состояния сознания весьма высокого уровня, что позволит читателям, пользуясь этой высокой и надежной опорой, провести собственную интенсивную и плодотворную работу в этих пространствах, расположенных далеко за пределами конкретного ума.

Сознательный отказ автора от создания какой-либо новой, “собственной” терминологической системы освобождает изложенную информацию от особенностей замкнутых на себе информационных систем и делает ее пригодной для синтетического использования последователями и приверженцами практически всех распространенных ныне фундаментальных эзотерических учений. В то же время, смысл и значение нескольких “технических терминов”, которыми по необходимости пользуется автор, совершенно очевидны из контекста, и поэтому используемые слова вполне могут быть заменены “техническими терминами” из словаря того базового информационного учения, которым привык пользоваться читающий, конечно, при условии, что “внутренний перевод” делается на основе ощущения полной идентичности существенных качеств данных понятий.

Предисловие

Посмотрите, жизнь этого человека, похоже, не сложилась, он – неудачник; другой, наоборот, с легкостью реализует немислимые проекты и “планов громадьи”; третий засыпает за рулем и разбивается насмерть, вчера только сделавшись кумиром миллионов; кто-то немислимо богатеет, в то время как один его талантливый сокурсник вчера сошел с ума, а другой сегодня просит милостыню в подземном переходе... Сколько людей – столько и судеб. Есть, однако, нечто объединяющее и отличающее людей творческих, – непредсказуемость их завтра. А так ли уж эта жизнь непредсказуема? Если вдуматься, на свете совсем не бывает случайного, все происходит зачем-то. И даже эта книга могла попасть в руки только с какой-то определенной, вполне конкретной целью, причем ни автор, ни читающий ее сейчас не знают точно – с какой.

Зачем случается, что многие талантливые люди умирают так рано? Почему Пушкин не дожил до семидесяти лет? А правда, почему? Если проанализировать то, как мы реагируем на вещи, задевающие нас *внезапно*, можно заметить, что даже внешне очень похожие люди часто проделывают это по-разному. Одни возмущаются и начинают нервничать, другие – нет. Странно, но покой и душевная гармония последних нисколько не нарушаются вторжением в их жизнь случайного. Явная же ошибка первых заключается в раздражениях и обиде на *неожиданное*, которые автоматически и приводят их к нарушению целого свода эзотерических Правил Бытия. Как следствие, они теряют ясность мышления и начинают смешивать вещи уже не просто разные, а даже и несовместимые в принципе, чего делать категорически нельзя. Это прописная истина.

Разве можно, к примеру, путать себя сегодняшнего со вчерашним или с завтрашним, с тем человеком, с которым мы, если разобраться, еще не знакомы? Ведь это совершенно разные люди и управляют ими разные законы. Вещами запретными и недоступными нам вчера, сейчас играют соседские дети. Вот почему и наше отношение к миру, деньгам, доброте или самим себе со временем меняется. Должно меняться! В противном случае мы делаемся бедными, злыми и неспособными осознать или почувствовать себя проводниками Духа...

Стоит ли ограничивать свой ум банальной констатацией очевидного? Не пора ли ему взглянуть на проблему общения с нами мира, который разговаривает с живым в основном лишь на тонком языке событийности, гораздо глубже и, наконец, увидеть, что наше непроизвольное отталкивание случайного и чрезмерное эмоционалирование по поводу происходящего не только приводит нас к явно негативным результатам, но и *уже* является свидетельством или следствием того, что *неведомые* ошибки были совершены в прошлом, и далеко не всегда нами. Вот их-то, первопричины, и следует начать сегодня искать, коль скоро мы заинтересованы в оптимизации ситуации, в которой пребываем. Знание о вечном раскрывает нам секрет, что кровь из носа начинает идти прежде, чем мы его разбиваем. Спотыкаемся, падаем и испытываем боль мы уже значительно позже...

Человек, научившийся распознавать вещи, недавно еще для него не существовавшие, все равно что зажег в темноте факел. Он налил себе в ладони огонь и освещает им дорогу, но с костром в руках странно и даже опасно возвращаться в прежнюю квартиру – там тесно и много всякого горючего хлама, все может вспыхнуть. Пламя нужно уметь гасить либо в свой прежний дом уже не возвращаться – там непременно случится пожар!

Ничто не угрожает тому, кто духовное восхождение или талант видеть и говорить истину подменил позой, эстетическим изыском или наивным стремлением спасти мир. Такой человек находится в полной безопасности, поскольку в его руках горит не костер, а фонарик, чье тепло и свет – игрушечные. Этот актер всю жизнь стоит на одном месте и приятно развлекает себя и окружающую публику искорками бенгальских огней. Парапсихоанализ пригодится идущему

вперед, ибо ему необходимо научиться руками доставать из своего мозга и сердца Божественную искру, которая в момент рождения поселяется и живет в каждом из нас.

Вступление

Истина изреченная есть ложь. В этой книге нам придется говорить о многом, но почему-то никогда о главном. Читать ее – дело непростое, потому как *ничто здесь нельзя воспринимать буквально*, но только как символы или модели. Пусть *зачем-то* открывший ее сам и определит для себя – в чем его цель, сам же подберет ей знаки или нужные одежды. Имя Бога не произносится вслух. Имеющий уши да услышит...

* * *

Представьте себе, что вы идете в магазин и покупаете нож. Им можно наточить карандаши, а можно, превратив его в скальпель и хорошенько продезинфицировав, совершать тончайшие хирургические операции. А еще можно выйти на большую дорогу и, используя нож уже в качестве орудия убийства, начать грабить людей. Он ведь острый, сделан из превосходной стали и заточен специально для того, чтобы резать живое! Так вот, парапсихоанализ – это ситуация приобретения исцеляющего ножа, с попутным осознанием, что скальпелем являемся именно мы, когда начинаем ходить по следам работы этого *опасного* инструмента... или глядим в зеркало...

Между строками этой книги как бы случайно, в полном беспорядке разбросаны странные ключи и специально растворены (зашифрованы из соображений элементарной безопасности) технологии расщепления и синтеза невидимого. Кому нужно и кто к этому уже готов, тот безусловно разгадает тайный смысл прочитанного и легко соберет всю систему целиком, словно мозаику. Нет нужды упрощать...

Войти в состояние парапсихоанализа можно только уже хорошо сознавая, что есть страх, боль, смерть и вечное. Оказывается, единственное знание, без которого мы точно никак не обойдемся, вознамерившись открыть двери в запредельное, и что прежде просто обязаны будем *вспомнить*, это то, что мы и Космос есть нечто единое. Как можно такое узнать, а тем более вспомнить? Ведь если на улице ко мне подойдет некто и просто скажет, что он, я и трансцендентный Дух Святой в своей сути есть *одно*, это совсем не означает, что я возьму и вот так, прямо сходу пойму, о чем он со мной говорит, и уже в следующую минуту начну воспринимать мир как нечто единое, применяя полученное знание к жизни. Понимать – значит *переживать* или ясно видеть то, что сознаешь. Если я *знаю* или думаю про себя, что являюсь огнем, но вокруг меня почему-то ничто и никогда не загорается, выходит, я обманываюсь, полагая, будто бы вообще что-либо знаю.

* * *

В этой книге может быть слишком часто встречаются слова “ирреальное” и “безумие”. Незачем волноваться. Это – рабочие понятия и употребляются они здесь, конечно же, не в значение “болезнь”, но в смысле “отклоняющееся от обычного” или “преодолевающее рассудочное”. Они уместны здесь еще и потому, что довольно точно передают специфический флер идеологии парапсихоанализа – искусства достижения измененных состояний сознания, являясь своего рода ключами к познанию трансцендентного.

Однако существует другая и весьма серьезная проблема. Входя в эту книгу, есть риск споткнуться о слова. Причем отнюдь не новые, придуманные недавно, даже такие фанерные, как “парапсихоанализ”, “трансмедитация” или “суперэгоцентризм” (в конце концов, к ним можно привыкнуть), а именно о старые, смысл которых нам как бы хорошо знаком. О слова как таковые! А можно ли вообще с помощью известных нашему рассудку понятий или точно сформулированных солидными энциклопедиями определений проникнуть в неизвестное? – Пойти-то можно – придти нельзя. Давно бы уже все там побывали.

Как же следует читать эту книгу? – Осторожно. Так, чтобы слова своим буквальным содержанием не отвлекали нас от того, что мы, встав на эти разбитые ходули, пытаемся с их

помощью раскрыть. Давайте с самого начала договоримся, что в тонком пространстве именно этого текста слова всегда будут выполнять роль весьма условного поводья, костылей или даже неизбежного зла. И если, к примеру, во второй части нам повстречается словосочетание “Духовный Двойник”, мы не только не станем искать, чьим близнецом Он является и на кого похож, но даже и подменять его другим (якобы более подходящим) ярлыком “духовная сущность”, поскольку Он ни на что не похож и сущностью так же не является.

* * *

Попробуйте изъять из любого *проистекающего сейчас* процесса (размышления, обиды, прогулки по лесу, приготовления обеда, делания предположений, чтения этой книги и т.п.) его обязательный компонент – время, и вы соприкоснетесь с полной ирреальностью переживаемого вами явления. Кроме того, довольно скоро и причем качественно измените (через подобное самоабстрагирование) уровень собственного сознания, попутно уже превратив и природные свойства всего, на что смотрели прежде того, как удалось произвольно остановить время.

Если я решил что-то узнать, то сначала должен определиться, о чем думать или помнить не буду, то есть решить для себя, какого знания необходимо принципиально избегать. Не потому, что узнать все невозможно. Дело в другом: постоянное памятование о второстепенном снижает темп, существенно затрудняя познание главного. Если, к примеру, меня чрезмерно беспокоит вопрос спасения души, что по-человечески вполне естественно и понятно, то этим я задаю особое направление эволюции своего сознания и начинаю допускать в себя мысли или совершать поступки, которые, как это ни парадоксально звучит, как раз и не позволят мне достичь желаемого. Карма сжигается совсем иначе – вместе с приготовлением пути, через *очищение* или *превращение* себя.

Когда чужой ребенок просит у меня яблоко, а их всего три, полагаю, мне не будет жалко отдать одно из них. А если этот ребенок ничего у меня не просит, просто я встретил его возле своего дома и сейчас говорю с ним, узнавая, что он – это я, который родится когда-нибудь потом, в другой жизни, разве не начну я тогда с неумеренным энтузиазмом предлагать ему все мои яблоки и, более того, настаивать, чтобы он их тут же при мне и съел?

Беспокойство о себе, а тем более о “себе, пока еще не родившемся”, заставляет нас проделывать вещи, отвлекаться на которые вряд ли придет в голову, не зная мы вообще таких слов как “реинкарнация” или “смерть”. Или если бы мы вдруг научились в нужный момент забывать думать о неважном.хлопоты вокруг *правильного с точки зрения рациональной логики* не просто затрудняют осознание себя Космосом, что является практически единственной технологией растворения (искупления) кармических грехов или ошибок, но в большинстве случаев исключают и саму вероятность подобных переживаний.

Познать себя, войти и пребывать в *здесь и сейчас* можно только в каком-то *одном* (цельном) качестве, сняв с себя маску клоуна и прекратив в своей голове бессмысленное биевание противоположных интересов. Вовсе необязательно раздумывать о вещах второстепенных постоянно, чтобы начисто лишить себя возможности когда-нибудь разглядеть главное. Реинкарнация, карма, спасение души или мира – все это вещи второстепенные. Они заслоняют слышание в себе Бога. Уходит время...

Умного судьба ведет, а глупого тащит...

Вы не умеете расшифровывать энцефалограммы? – Напрасно. Информация приходит к нам отнюдь не через прочтение слов. Иногда бывает уже достаточным прикоснуться к вещам, принадлежащим другому... К примеру, заглянуть в его мысли или сны...

Парапсихоанализ (от греческого **para** – находящийся рядом или отклоняющийся и психоанализ) – это метод познания или проникновения в иррациональное, в область, лежащую за пределами нашего разума, в то, что принципиально невозможно осознать умом. Например, увидеть *истинные причины* происходящих с нами неожиданностей, всяких непредвиденных событий, болезней, неудач, несчастных случаев или же, наоборот, успеха и *везения*. Мы можем долго искать причины всего этого и в итоге нафантазировать разное, однако узнать точно, что кроется за случайностями, оставаясь на том же уровне сознания, которого вполне достаточно даже для полета в космос, нам не удастся.

Эти причины непостижимы человеческим рассудком главным образом потому, что нераспознаваемы (невидимы) им или, проще говоря, не входят в круг его компетенции. То, что разум не в состоянии даже представить, для него просто не существует. И такая картина совершенно закономерна – наш ум по природе своей логичен и рационален, так что было бы даже глупо на него обижаться за то, что он никак не желает постигать вещи, которые *не может видеть по определению*. Он привык иметь дело только с тем, что сам для себя определил как *реальносуществующее* и что может если не потрогать, то хотя бы представить или предсказать. В нашем лексиконе слово “случайность” встречается чаще, чем того хотелось бы, и далеко не всегда понятно, почему происходит не то, что было запланировано, а что-то совсем другое, чего мы никак не ожидали и что нам совершенно ни к чему. В нашу жизнь вошел и стал хозяйничать случай. Из-за этого мы иногда чувствуем себя беспомощными и незащищенными в этом мире.

* * *

Закончилось сказочное время великих эпосов. Цивилизация просто вынуждает нас выдумывать новых богов...

– *О том ли мы говорим, что было время, когда люди точно знали, за что им на голову сваливаются разные неприятности, а сегодня, несколько поутратив искренность и непосредственность своих прежних отношений с Богом и превратившись по существу в материалистов и прагматиков, они постепенно растеряли способность разгадывать смысл происходящего с ними?*

– Такого времени, когда человек просто (не умом) веруя в высшие силы будто бы хорошо понимал *за что* на него сваливаются “разные неприятности”, на самом деле никогда не было, хотя многим из нас с такой мыслью трудно согласиться. Оказывается, человек в принципе не может узнать, *за что* его Бог наказывает (и даже не потому, что Бог – это скорее Закон, чем злой надзиратель), независимо от того, верит он в Него или нет и какой век сейчас за окном, пока не начнет грамотно задавать вопросы и не научится слышать на них ответы. Когда я вопрошаю: за что? – это означает, что я *уже* стою на коленях в позе человека кругом виноватого, кающегося и сознающего, что согрешил, только вот не помнящего точно – когда и где.

Скажите, пожалуйста, окажись вы на месте Бога, о каком таком “смысле происходящего” вам удастся побеседовать с человеком *напуганным*? Он же из-за своего страха никого не сможет услышать, кто бы ни попытался заговорить с ним про смысл его жизни. Нетрудно догадаться, что в зависимости от того, кого такой человек называет Богом (то есть какой именно образ он уже нарисовал у себя в голове: нечто любящее, доброе, всепрощающее или, наоборот, грозное и безжалостно карающее за малейшую провинность), ответ на вопрос “за что?” он также *придумает* для себя сам. Увы, боящийся никогда по-настоящему не станет верующим или мистиком и *при жизни* вряд ли заговорит с Богом, ибо у него нет ушей, которыми он может

Его расслышать. И потому единственное, что ему останется, – это размышлять о Боге, а правильнее было бы сказать – Его фантазировать.

Беда в том, что прозвучал вопрос “за что”, а не “зачем”! А это далеко не одно и то же. Между людьми, так непохоже реагирующими на происходящее с ними и, отсюда, столь поразному формулирующими свои вопросы, лежит глубокая пропасть! Человек, озадачивающий себя вопросом, *зачем с ним случается* то или это, конструктивен уже тем, что находится в движении и поиске, а не стоит виноватый и побитый в углу. Он сознательно выбрал сильную жизненную позицию и *сам строит собственную судьбу*. А поскольку он этой деятельностью увлечен, ему некогда дрожать от страха и он способен что-то услышать. Ему постоянно требуется диалог с тем, кто может помочь в его деле, и своим вопросом “зачем?” он явно демонстрирует стремление расслышать Его и последовать совету, который, как он это понимает (или верит), *уже и всегда* к нему обращен, чтобы на ходу подправлять свои мысли или шаги, когда ошибается.

Не спотыкается, как известно, тот, кто никуда не идет. Поэтому в самой ошибке (не надо ее путать с преступлением) ничего страшного нет. Она вполне естественна и даже закономерна для ищущего, если не сказать жестче – запрограммирована в качестве урока, тем более, что начинать поиск нам приходится в абсолютной темноте. Вот почему в такие моменты между нами и Богом не происходит выяснений на уровне – “ты сделал то, чего Я не хотел, так на вот тебе, получи за это саркому легкого”. Это и на диалог-то не похоже. Зато когда мы спрашиваем: *зачем?* (для чего?) – другое дело. В этом случае диалог не только возможен, он, собственно, уже идет.

Когда со временем человек поднимет свое сознание на более высокую ступень и научится быть безошибочным даже в своих *спонтанных намерениях*, превратившись в совершенного проводника или, что называется, в сосуд Божий, тогда и всякую случайность, приключаясь с ним, он будет воспринимать не иначе как оценку Космическим Сверхразумом (назовем это сейчас так) его земной или человеческой, а потому, как правило, и ошибочной инициативы с точки зрения ее глобальной целесообразности. Но главное, в этом проявится Его вполне дружелюбный совет – как дальше с ней поступить: погасить или направить на что-то другое.

* * *

Вы думаете – я сейчас отправлюсь на край света в поисках чудес? – Да ничего подобного. С места не сойду. Останусь неподвижно сидеть в кресле и даже каналы в телевизоре буду переключать... взглядом.

Одна из конкретных задач парапсихоанализа заключается в том, чтобы помочь распознать *природную* способность и даже скрытую цель психики *естественно* приводить наш раскусок в состояние непосредственного общения с нематериальным или трансцендентным (в словаре это понятие расшифровывается как непостижимое и запредельное), с тем, что больше известно как мир Духовного, а главное, научиться таковой ее способностью осознанно управлять. В определенном смысле парапсихоанализ сводится к искусству осознанного предпочтения или выбора из вещей, которые мы уже наблюдаем, к особому методу концентрации – *трансмедитации* (подробнее о ней мы поговорим позднее) на идее тотального *единства всех вещей в их первопричине*.

Такое переживание неизбежно провоцирует общение человека со всеми вещами на столь высоком и вневещном уровне, что реальным становится изменение не только их свойств, но и воздействие на саму ситуацию их *как бы случайного* появления в поле нашего зрения. Причем такими вещами могут быть материальные предметы или явления, сегодня нам пока еще совершенно незнакомые. Порой мы не только не готовы к непосредственному контакту с ними, но, бывает, даже и не в состоянии их себе представить. Кроме всего прочего, в момент такого контакта они, как правило, остаются невидимыми, сильно удаленными от нас в про-

странстве или (что звучит уже почти невероятно) во времени. Это, безусловно, сильно затрудняет познание природы вещей, а также законов взаимодействия разнокачественных миров.

Мы заговорили сейчас, конечно же, не о чудесах (само существование которых парапсихоанализ исключает в принципе), превосходящих возможности человеческого рассудка и его восприятия, но все же о том, что вряд ли целесообразно даже пытаться себе представлять или воображать, то есть выдумывать головой. Во-первых, потому, что фантазии разрушают присущую уму последовательность и логику мышления. Во-вторых, они создают слишком яркие, отвлекающие внимание образы, к которым мы непроизвольно начинаем тянуться, причем скорее эмоциональной, чем ментальной составляющей нашего рассудка.

Кроме того, пытаться понять природу и механизмы такого сложного процесса как превращение реальности вообще не следует способами, обычно нами используемыми для получения какой-либо информации, впечатления или результата. Общение с трансцендентным есть совершенно *новое* для любого человека состояние (переживание), которое он тем не менее может только *вспомнить*. Это аксиома эзотерики. К ирреальному (духовному) не приходят, в него возвращаются...

* * *

Научаясь видеть мир единым, человек неминуемо приходит к пониманию того, что он и есть этот мир, а за окном, оказывается, для него нет такого, на что бросив взгляд или о чем подумав, он не смог бы сказать: “И это тоже есть я”. Как способ мистического растворения себя в том, где есть бытие, но нет времени, такой метод уже широко используется практически всеми религиозными системами. Он не нов, и может быть именно поэтому парапсихоанализ без всяких опасений берет такой метод на вооружение, перенося его в новое психологическое пространство и определяя как чуть ли не самую ценную и результативную тему для медитаций или интеллектуального опыта.

Такой способ ментальной концентрации в парапсихоанализе приобретает значение ключа, с помощью которого успокоив (или выключив) свой ум и этим, как ни парадоксально звучит, разбудив свое сознание, мы можем открыть дверь в неведомое и запредельное (в иррациональное). Войдя туда, мы увидим, как *уже* изменилось, пока шли, то, ради превращения чего нами и был пройден некий путь, и что при любых других обстоятельствах как предначертанное, а, стало быть, и неизбежное, вообще никак не могло быть изменено по определению.

В этих словах, если хорошенько в них вдуматься, можно разглядеть не только “*безумию*” (познание смысла вещей, осуществляемое *без* участия в этом процессе *ума*) философскую концепцию парапсихоанализа, но и его практический метод. Он заключается именно в том, чтобы не размышлять там, где в этом нет никакой необходимости (осознавая ограниченность любого материалистического способа познания мира), и принимать решения, жить и действовать, повинаясь спонтанному, то есть естественному, *Богом* заложенному в нас *импульсу*.

В этом импульсе всегда зашифрованы точная информация, цель, безошибочность и сила. Однако распознать и извлечь все это из нашей спонтанности, ничего не добавляя и не придумывая от себя, невероятно трудно. Для этого необходимо прежде снять с нее (а правильнее было бы сказать – с себя) шелуху из эмоций, желаний, планов на будущее, общепринятых представлений о долге, морали, совести и нашем “предназначении”. Ведь именно в виде такого коктейля судьба (или предложенный нам Космосом путь, которым мы все равно пройдем, хотим того или нет), уже превратившись в мысли и слова, наконец доходит до нашего рассудка.

Осознать глубокий смысл, заложенный в нашей спонтанности и *случайности* происходящих с нами и вокруг нас событий, непросто. Еще сложнее, оказывается, не препятствовать тому, чему и так суждено исполниться. Вспомните замечательный афоризм Сенеки: “Умного судьба ведет, а глупого тащит”. Но, пожалуй, самое трудное – это добиться качественного изменения уровня и структуры своего сознания, научившись различать скрытые противоречия везде, где они только есть, и *разводить их по разным углам*. Без специально наработанной

аналитической способности, без умения наблюдать и взаимодействовать с вещами в высшей степени отвлеченными (с абстракциями), задача пробуждения сознания и возведения его на иную ступень эволюции останется лишь добрым себе пожеланием. Нужно всегда помнить, что собранные в одном месте и связанные друг с другом энергии различных уровней и знаков, как лебедь, рак и щука из басни Крылова, не только сковывают свою потенциальную мощь, но и создают патовую ситуацию для нас, растрачивая свою силу и нашу жизнь на поедание друг друга.

* * *

Сказать о вечности, что она была всегда и даже прежде, чем начало быть время, значит неверно объяснять себе суть обоих понятий. Если вдуматься, то в самом словосочетании “прежде времени” можно увидеть явное противоречие. Прежде времени никак не могло что-либо быть. О вечности не стоит говорить – “всегда”, потому что это непонятно и неточно, лучше уж сказать – “сейчас”.

* * *

Являющееся зерном парапсихоанализа *искусство разделять* на составные части вещи, на первый взгляд созданные как нечто единое, чем-то схоже с высвобождением ядерной энергии и синтезом нового вещества, когда человек производит разделение монолитной структуры атомного ядра. Слово “атом” в переводе означает “неделимый”, а разделить, если подумать, оказывается можно почти все. И чем труднее бывает осуществить этот процесс, тем больше, как показывает опыт, в итоге высвобождается энергии. В этом не просто заключается психологическая пружина парапсихоанализа как метода творения иных событийных ситуаций, это – один из фундаментальных законов мироздания.

Если цель парапсихоанализа определить как изменение чего-либо или создание принципиально нового (творчество), то разделение является средством (методом), позволяющим этого достичь. Но главное, – когда мы желаем реальной трансформации вещей мира внешнего, – подвергнуть разделению нам придется нечто, живущее внутри нас. Вот почему парапсихоанализ, как искусство разделения себя в недрах психического с целью образования новых вещей, есть не что иное как *парапсихосинтез*.

Итак, если обобщить, парапсихоанализ – это способ, особая медитативная техника и практика сознательного *превращения реальности* путем непосредственного отождествления себя с нею, то есть с внешним материальным миром и его вневременной сутью и первопричиной – Духовным Началом. В его основе лежит мистическая концепция *суперэгоцентризма* – стремление и способность пробуждающегося сознания распознавать во всем проявление собственной воли и самого себя.

Случалось ли вам заметить, как сознание само, без всякой внешней помощи начинает расширяться, и с нами происходят разные *интересные* вещи уже тогда, когда мы умудряемся хотя бы на короткое время прекратить формулировать одни и те же желания и постоянно кричать их себе в уши? А кому же еще, ну не Богу же?! В том ирреальном *поле информации*, куда человек еще при жизни волен входить, когда захочет, если знает туда дорогу, обо всем давно известно и так. Причем наперед, поскольку, во-первых, никакого времени за пределами материи нет вообще, а во-вторых, все эти желания именно в этом трансцендентном поле для нас и зарождаются. После смерти мы не только обязательно туда приходим, но даже невозможно сказать “возвращаемся”, поскольку никогда оттуда и не выходим. Мы есть это поле. Что из того, что на короткое время одной ногой (гранью сознания) мы шагнули в жизнь...

* * *

Театр

Входя в город слепых, будь невидим, молчи и ни в коем случае не зажигай огня.

Сегодня вечером в старом театре дают Пьесу. Да, конечно, ту самую. И который сезон подряд! Теперь, впрочем, можно уже посмотреть ее продолжение. Когда-то постановка Пьесы

явилась значительным событием в жизни города. Об этом много писали. И вот что интересно: местная летопись почему-то ведется с момента возникновения драматического театра, в то время как некоторые историки утверждают, что город появился на карте значительно позднее, чем здесь был заложен Театр, а прежде на этом месте будто бы рос непроходимый лес. Какая-то путаница...

Как бы то ни было, правда заключается в том, что завершение грандиозного строительства Театра чудесным образом совпало с рождением Пьесы, премьеры которой тогда же здесь и состоялась. Не стоит удивляться тому, что за все время, пока в городе существует Театр, в нем ни разу не обновился репертуар. Ведь несмотря на то, что спектакли здесь идут каждый вечер и один не повторяет другой, Пьеса так до сих пор и не закончилась. Сегодня вечером, к примеру, в стенах Театра ставят лишь седьмую картину второго акта этой грандиозной эпопеи. Третий, говорят, еще не дописан, но Автор над ним будто бы напряженно работает. Так что до конца далеко...

Про автора Пьесы, сюжет и причины написания этого бесконечно длинного сериала, а также историю самого Театра и труппы, постоянно в нем работающей и регулярно обновляющейся, да и вообще про те давние времена, когда все здесь только начиналось, газетчики в наши дни многое придумывают. На деле же им известно лишь то, что Театр несколько раз горел, хотя до сих пор не нуждается в капитальном ремонте; что огни рампы здесь зажигаются регулярно каждый вечер и спектакли идут железно в дни даже очень сильных пожаров, выборов мэра или эпидемий гриппа; а кроме того, что любой актер, случайно или просто проездом по своим делам завернувший в наш городок, непременно оказывается на этой прославленной сцене и принимает участие в постановке ставшей сегодня уже классической Пьесы. Это, поистине, уже не просто шедевр, а редкостный и совершенно необъяснимый феномен. Уникален и Театр, других таких нет.

* * *

Чтобы лучше представить себе великолепие декораций и истинные размеры здания Театра, а также прикинуть, во что Городской Управе обходится его постоянное содержание, достаточно сказать, что каждое утро, если только на улице не идет дождь, двенадцать самых сильных рабочих на блоках поднимают и привязывают к потолку над сценой настоящее солнце. По вечерам они же его задувают, аккуратно, пытаясь не обжечься, снимают с цепей и запирают в подвал остывать. А как-то раз ночью, под столярными мастерскими лопнула труба и к утру, когда артисты проснулись и пришли на работу, воды на сцену уже натекло столько, что там образовалось глубокое и бурное море. Со временем в нем завелись водоросли и рыба, а потом, когда в Театре появились люди, стали плавать большие корабли. Оно сейчас почему-то пахнет соляной, но, говорят, так было не всегда.

Первых актеров в свой Театр режиссер пригласил очень давно. Поначалу ими были обыкновенные камни, электричество, время и воздух. Через какое-то время из зоопарка прислали двух живых львов и огромного бурого медведя, а также небольшую, но очень ядовитую змею и много разных птиц. Откуда взялись на сцене горы, собаки и деревья – точно неизвестно, ну а кошки, молнии и пчелы тут жили всегда. Последними в Театр пришли болезни, деньги и люди. Все они здесь играют самих себя.

Сцена в Театре устроена необычно и об этом, конечно, нужно рассказать особо. Странности начинаются уже с момента, когда перед молодым артистом распахиваются двери Театра и он впервые входит сюда с улицы. Актер сразу же оказывается на сцене! Почему-то не в раздевалке, как он того ждет, или, скажем, в фойе, в зрительном зале или где-нибудь еще, а прямо на эстраде. Но даже не это изумляет больше всего. А то, что буквально с первой минуты своего пребывания на сцене новоиспеченный комедиант, можно сказать, вчерашний школьник, вдруг громко и уверенно начинает декламировать, да еще наизусть(!) слова из своей роли, ни в одной из реплик не спотыкаясь. И откуда что берется? Все это при том, что еще сегодня утром

он понятия не имел о том, что уже вечером окажется в Театре и, более того, что будет приглашен сюда на постоянную работу! Ведь артист, на замену которого из театрального училища по телефону был срочно вызван какой-нибудь “по возможности толковый студент”, только что, полчаса назад был еще жив и здоров. Счастлив и весел. Ничто не предвещало беды... Подобные подмены почти всегда являются для актеров Театра, а уж тем более для приглашаемых выпускников театральных вузов, полной неожиданностью. Сюрпризом. Да, как-то странно все это...

Так вот, складывается ощущение, будто новичок умудрился вчера ночью где-то раздобыть сценарий Пьесы, которая только сегодня вечером здесь пойдет, тайком прочитал свою роль и заучил ее на память. Но именно это как раз совершенно и невозможно. Дело в том, что в нашем Театре никто своих ролей не знает, а стало быть, заранее их и не учит, потому как их, ролей, в этой Пьесе нет как таковых. Вообще не существует! Удивительно, но на качестве спектаклей такая вопиющая ненормальность почему-то никак не сказывается. Как такое возможно? И вот еще что непонятно – каким образом артисты по вечерам добираются домой в полной темноте, ведь в городе, как известно, лампы не зажигаются, а в Театре освещена только сцена?

Да, здесь много загадочного. Кстати, зрительного зала, вешалки или буфета, а самое главное, выхода на улицу не просто нигде не видно. Их нет. В природе не существует. Везде вокруг – одна только сцена. Вот почему домой вечерами никто и не ходит. Первое время почти все молодые актеры, конечно же, переживают свою бездомность, некоторые даже весьма болезненно. Пристают к старожилам со всякими расспросами, а что тут можно сказать... Вот и мечутся они по лестницам Театра, потом начинают выпивать и... успокаиваются. С годами большинство артистов вообще прекращает искать выход [в город]. Устают, должно быть, или привыкают к своим новым маскам и к немного странному положению вещей в Театре. Тюрьмой его, однако, здесь никто не называет! Ведь он прекрасен! Разве тюрьмы такие? Там везде решетки и плохо кормят, а здесь можно жить беззаботно. И даже быть счастливым!...

Продолжение следует.

* * *

Для упорно нежелающих уверовать в легенды давно пора придумать игру, в которой на стол бросаешь мысли, а выигрыш получаешь уже вещами. Или нет, лучше – изменением ситуаций...

– *Нужно ли понимать так, что парapsихоанализ являет собой новое религиозное учение для интеллектуалов, рассчитанное на исключительно высокий уровень ментальной культуры?*

– Парapsихоанализ действительно адресован тем, кто не доверяет решению тонких вопросов формирования своего мировоззрения и настройку психических механизмов восприятия мира и взаимодействия с ним давно сложившимся институтам (общественным или церковным), а решает проделывать такую работу сам, используя для этого лишь свой рассудок и его основной инструмент – логику. Если этим человеком может быть только интеллектуал, то, наверное, так и есть, хотя, признаюсь, мне почему-то больше нравится слово “прагматик”.

Впрочем, в эпоху развития западной цивилизации, то есть в рамках информационно-психологического пространства и социума, в котором мы все живем, интеллектуалом, пусть даже поневоле, можно назвать почти каждого из нас. Но тогда тем более, о каком учении, да еще религиозном, мы говорим? Интеллектуалу можно предложить на рассмотрение какую-либо концепцию или теорию. Наконец, просто идею логичности или целесообразности общения прагматичного с иррациональным, с чем он волен согласиться и взять себе на заметку или решить, что эта идея – полный бред и тотчас забыть о ней. Но придумать для него учение?! Такие вещи каждому из нас приходится создавать самостоятельно.

Теперь о религиозности того или иного направления глубинной психологии. Слова “Духовное” и “Бог”, как специфически заряженные и несущие, несмотря на их слишком частое употребление, вполне знакомый и, в общем, одинаковый для большинства из нас смысл, в этой книге будут встречаться постоянно. Однако в парапсихоанализе, методе психического самоконтроля или даже научной системе познания, формирующей собственную теоретическую базу для *безошибочного по определению* движения в направлениях *неведомых и бесцельных* (в обычном понимании), эти понятия выполняют, скорее, роль рабочих категорий.

Парапсихоанализ не может быть религиозным учением, как не может быть таковым русская школа скрипичной игры или ношение солнцезащитных очков. Это технологический прием, набор навыков или правила игры, если хотите, но игры, цель которой каждый себе определяет сам. Можно, к примеру, воспользоваться им как методом, расширяющим религиозное мировоззрение или просто способствующим преодолению стресса. Подвигнуть себя на принятие сложного решения и поискать оптимальные ходы его реализации. С его помощью можно стать мистиком. Войти в Духовное. Но и тогда он останется только инструментом. Даже скрипка Страдивари сама не играет. Я вообще не уверен, что сегодня возможно появление какого-либо *нового религиозного учения*, если только правильно понимаю смысл этого словосочетания. Другое время – другие люди...

* * *

– Можно ли, взяв за основу парапсихоанализ как философскую доктрину, воспользоваться им и практически? Например, излечить с его помощью от какого-нибудь недуга больного человека.

– Почему же нет? Парапсихоанализ эфемерен, ведь это – идея, а точнее мировоззрение. Однако его можно рассматривать не только как *принцип поиска исходного положения*, лишь из которого и возможно начинать движение в желаемых направлениях, но также и в качестве *самого движения*. Другое дело, что практика парапсихоанализа невидима и неосязаема. Она заключается в *достижении качественно новой степени осознания происходящего*, а не в собственно действии. Например, если целью, для достижения которой мы обратились за помощью к парапсихоанализу, является *спонтанное*, то есть естественное *исцеление* больного, то единственное, что мы должны сделать, это пожелать самим себе войти в состояние покоя такого параметра глубины, который обычным волевым усилием трудно достигим и в повседневной жизни переживается нами исключительно редко. Никакого собственно исцеляющего “магического” действия совершать не приходится. Сам сверхпокой и есть то действие, переживание трансцендентного резонанса (единения себя с больным), когда первое же спонтанное пожелание в его адрес начинает изменять уже совместную карму и, как следствие, физическое состояние больного.

Парапсихоанализ как практический метод в данном случае сводится к осознанию необходимости проделать этот путь в несколько шагов вместо одного. Первое: мы должны понять, что нам нужен *сверхпокой*, потому что только находясь в нулевой точке мы можем увидеть в себе погашенным *душевное* (мысли и эмоции) и включить свое *духовное* начало. Второе: необходимо согласиться с логикой того, что сами в себе мы вызвать сверхпокой не в состоянии, почему и не должны пытаться это сделать. Сверхпокой может прийти к нам из трансцендентного только тогда, когда будет ясно, что мы к этому готовы. Ясно не нам, а Ему. Прийти сам по себе и как бы вскрывая нас извне. Так открываются врата в ирреальное. Дальше останется только *ждать*. Делать же что-либо, в привычном для нас понимании смысла этих слов, ничего не нужно. Не нужно даже напоминать себе, зачем мы решили вызвать измененное состояние своей психики. Когда сверхпокой в нас войдет, можно не сомневаться – больной уже исцелен.

[К слову сказать, ждать – совсем не означает закапывать в землю полдюжины золотых монет, брызгать на них водой и ходить кругами, сгорая от нетерпения, постоянно подглядывая – не выросло ли еще деревце. Ждать – это значит совершенно отстраниться в себе или забыть

о необходимости в чем-либо участвовать. Полностью исключить свою инициативу, чтобы дать возможность измениться теперь уже погоде *или миру вокруг*. Ничего страшного, если в июле вдруг выпадет снег или больной неожиданно получит телеграмму, содержание которой само поставит его на ноги, мы ведь говорим сейчас о *спонтанном* исцелении или о превращении реальности. Природа сама подбирает средства и случайности.]

– А если ничего все же не произойдет, и больной не выздоровеет?

– Это значит, что мы так и не достигли ноль-точки. А то, что должно было через нас пройти и случиться, встретило сопротивление в виде незамеченных нами наших же мыслей. Оказывается, даже их микроскопические осколки, то, что мы уже и мыслями-то не называем, в состоянии не только помешать, но и вообще не допустить превращения реальности. Достигнуть ноль-точки означает пережить принципиально новое состояние сознания, когда *мысли уходят совсем*, и мы начинаем видеть мир уже не глазами и даже не умом.

Появление на этой фазе психической трансформации прежних форм сознания (мыслей, воспоминаний и проч.) является опасным смешением качественно неоднородных вещей или одномоментным видением нескольких взаимоисключающих форм одной и той же вещи. Наблюдающий напластование реальностей рискует потерять рассудок, потому что он привык *сейчас* видеть что-то одно, а другое – когда-нибудь *завтра*. Так что это даже хорошо, что процесс перехода энергий был прерван и не осуществился до конца. Не говоря уж о том, что карма пациента тут же перешла бы на лечащего. Мы ведь, кажется, собрались кого-то лечить без участия в этом собственно больного или даже и вовсе без его ведома, а отнюдь не помочь *Человеку* исцелиться. Согласитесь, это далеко не одно и то же.

Лишь мимоходом упомянув о ноль-точке, хотелось бы сказать, что нули бывают разные (почти ноль, полный ноль, абсолютный, математический и т. д.). В этой главе мы под нулем разумеем состояние, особую метафизическую позицию отстраненности или степень концентрации сознания, напряженную уже тем, что находиться в ней можно лишь пребывая вне пространств вообще, а говоря точнее, между ними. Проблема на самом деле заключается даже не в определении географии или статуса некоей точки, а в искусстве ее практического достижения. Обозначая эту точку в качестве гипотетического центра Космоса и соглашаясь с тем, что в ней не существует движения времени и мыслей, но стремясь все-таки в нее попасть, очень важно по инерции не промахнуться мимо собственно нулевой отметки и не уехать в минус. Тут ведь не затормозишь.

Психика любого нормального человека торопится отождествить или даже подменить вхождение в центр круга глубоким сном (трансом, смертью и т. п.). Однако только неспящий, тот, кто умудрился с открытыми глазами прийти в точку сборки конструкции мироздания, в средоточие потенциальностей (а это вполне по силам человеку) и сохранить свое сознание в бодрствующем состоянии, одним движением мысли может оттуда выбирать (задавать) практически любое направление развития реальности. Ему даже не приходится что-либо запускать или устраивать, поскольку он находится в таком месте, где *еще* не требуются какие бы то ни было усилия. Достаточно лишь бодрствования. В ноль-точке все начинает быть от мысли.

* * *

– Было сказано, что процесс прервался. Значит, он шел? А может быть случилось так, что мы просто не были услышаны, не достучались?

– Не были услышаны? Боюсь, реальная картина обмена информацией выглядит совсем не так, как мы это себе представляем, и дело тут, конечно, не в глухоте Неба. Механизм общения материального с вечным работает по другому принципу. Существует строго определенная иерархия уровней и четкая субординация между ними. Сведения о том, что где-то на Земле живет больной человек и кому-то еще захочется в определенный, а точнее, в *заданный* момент временного континуума эту ситуацию изменить, давно содержатся в общем поле информации, равно как и любое другое сообщение касательно абсолютно всего, что случается или слу-

чится когда-либо. Так что стучаться в эти инстанции особенно-то и незачем. В поле ирреальной информация вообще не поступает от нас. В таком усложнении нет никакой надобности, поскольку мы и так *ему видны* и причем всегда. Это к нам информация попадает *оттуда* в виде спонтанно приходящих мыслей или желаний, которые, как нам кажется, зарождаются в наших головах.

Более того, всегда приготовлено несколько различных вариантов исхода любого *опыта* задолго до нашего появления на этом свете. В случае с больным все было готово и нужно было только грамотно *выбрать*. Но (в чем и трудность) выбрать спонтанно, не умом и не чувствами. Хотите дышать? – Вот вы и дышите, причем даже во сне, когда уже забываете о чем-либо хотеть. Спонтанность – это то, что мы есть на самом деле, наше *естество*. Можно сильно хотеть помочь кому-нибудь, самому себе, например, и громко об этом кричать. Но нашей истинной сути или психическому существу ничего подобного не хочется, оно нейтрально, спокойно и объективно. Даже по отношению к самому себе. Это как движение поезда: ночью, когда все спят, никто не замечает, как он, проходя по стрелкам, меняет направление своего движения. Кто его выбирает? – Машинист, стрелочник, а может кто-нибудь еще? Думаю, в этой ситуации мы уже не просто спящие пассажиры. Это мы его выбираем! Наше внутреннее и глубоко спонтанное. Хотите изменить направление? Пожалуйста, только умудритесь проделать это во сне.

– Как понимать “всегда приготовлено несколько вариантов”?

– Предопределенность – вещь сложная. К этой теме нужно приближаться с большой осторожностью и не пытаться охватить рассудком больше, чем тот способен в себя вместить. Предопределяется реальность, но самих реальностей – бесчисленное множество! Когда мы *уже готовы* исцелить больного, именно этим переживанием мы избираем ту реальность, в которой он не только сейчас здоров, но и был таковым всегда.

– Возможно ли такое понять рассудком?

– Разумеется! Однако не следует пытаться осознавать ирреальное одним лишь умом. Необходимо призвать на помощь психику и некоторые вещи научиться *переживать*. Тогда многое получится. В этом, собственно, и заключаются не только практический прием, но и философия парapsихоанализа, его, как это ни парадоксально прозвучит, *интеллектуальный* способ вхождения в иррациональное.

* * *

– Что заставляет человека искать мир иной?

– В большинстве случаев истинным мотивом, побуждающим человека стремиться к потустороннему, является его естественное и как бы немотивированное (далеко не всегда осознанное, а потому зачастую и ошибочно рассматриваемое как совершенно бескорыстное) желание обладать сверхвозможностями. Имеется в виду не только способность человека управлять сознанием и волей других людей, исцелять их, уметь весьма эффектно, одной мыслью разгонять облака, получать скрытую и точную информацию и тому подобное, но и вполне понятное стремление долго жить не болея и не испытывая страха смерти. Это в наше-то время! Да для этого просто необходимы сверхспособности! Так что здесь все понятно, это вполне нормально.

Но вот что, к сожалению, часто происходит, когда человек отправляется в поход за всем вышеперечисленным, не будучи к этому должным образом подготовленным. Он говорит себе, что идет в Духовное, искренне в это верит и понимает под этим нечто, выходящее за грань Материи, Пространства и Времени, что как бы и верно. По дороге же, входя в тонкие планы психического, он встречает множество разных отвлекающих его внимание вещей вроде тонкоматериальных или параллельных миров. Там же он сталкивается с загробными или вовсе внеземными (что, тем не менее, автоматически еще не означает *духовными*) сущностями.

Из-за разницы и новизны ощущений он внезапно теряет чувство реальности и контроль рассудка над собой. В большинстве случаев он даже забывает, куда, собственно, шел, перестает воспринимать и анализировать происходящее способом, только что бывшим для него

единственно возможным, простым и проверенным (и, надо признать, объективно верным). Он напрочь отбрасывает логику и, утратив всякую осторожность, с непостижимой готовностью бросается, словно в омут, в общение (контакт) с доселе неведомым – посланцами “иных цивилизаций”, “ангелами” и “силами добра”, получает оттуда разнообразную информацию (директивного характера), безоговорочно всему верит, что, впрочем, совершенно естественно, потому как такие вещи отнюдь не являются просто галлюцинациями, и, в конце концов, встречается с самим “Богом”.

На этом поиски Духовного, разумеется, подходят к своему логическому завершению, поскольку открывается новая и интереснейшая глава в биографии – “жизнь в Боге”. При этом, заметьте, никуда из Материи он пока еще не вышел. Подсознание – вот в чьи глубокие подвалы он угодил и где завяз окончательно, что, однако, никак не мешает ему начать выстраивать “религиозные” концепции и догмы, основанные на “ниспосланном свыше”, и щедро, во всеуслышание делиться всем этим с другими, такими же, как и он, “познавшими и уверовавшими”. Иногда это принимает формы отнюдь не смешные.

Когда я говорил о достижении ноль-точки, то имел в виду, что все эти отвлекающие препятствия нужно уметь проходить *легко*, а главное *быстро*, не застревая и не любопытствуя, потому что фактор времени, которое мы затрачиваем на прохождение пути, и то, *как* мы идем (наши естественные реакции на то, с чем встречаемся по дороге), имеют огромное значение. Если мы продвигаемся недостаточно быстро (понимайте это как легко), то мы не просто опоздаем на каких-нибудь полчаса, а не придем вовсе! Нужна гигантская инерция в замахе, чтобы вообще хоть на шаг реально отойти от материи.

Апостол Павел различал три уровня или исходных состояния познания человеком Божественного: материальное, душевное и Духовное. И только последнее он определял как приближающее к Небу. Первые же два он объединял в одно и стремление оттуда или в нем искать истину полагал опасным заблуждением, земным бесплодным умствованием.

Прежде, чем отправляться искать Бога, хорошо бы узнать, где Его наверняка встретить не удастся. Тогда легче будет Его найти. Не правда ли, странная идея, ведь Бог везде, Он есть все. Да, действительно, Он вездесущ, но тем не менее существует все-таки одна тонкая материя, приближаясь к которой, Он по определению не может в нее войти и стать ею. Это наши мысли о Нем. Больше мы Его ниоткуда прогнать не можем, так что, оказывается, найти Духовное совсем не трудно, было бы желание искать именно Его. Ведь по логике вещей абсолютно все остальное в этом мире есть Бог.

Письмена безумного человека.

(Мозаика из осколков Евангелия...)

...безмолвный слышит голос...

...ветры умолкают...

...переставшему быть...

...радуется небо...

...безумный и неподвижный...

...быстрее всех...

...цель идет к нему сама...

...все время преследую Его...

...с закрытыми глазами...

...ночью и днем...

...кто Он?...

...в полной темноте и неведении...

...каждую минуту...

...боль делается непереносимой...
...во сне жить становится легче...
...смерть по-прежнему желанна...
...все близко...
...недвижим и непреклонен...
...готов исполнить закон...
...не я к Нему...
...Он первый навстречу...
...пусть как музыка...
...или кровь...
...через горло...
...во рту...
...разжимается пространство...
...искривленное и огромное...
...льется на голову...
...струится вдоль позвоночника...
...горячая паутина...
...замещает меня...
...стекает с зубов...
...смотрит из глаз...
...уходит в энергию...
...новая информация...
...живая и массивная...
...на ощупь как вещество...
...время останавливается...
...другое состояние...
...кто это...
...я внутри шара...
...сдираю с себя шелуху...
...воспоминаний...
...нервы и кожу...
...маски...
...мысли...
...стою на дороге...
...перестал понимать...
...зачем нужен следующий шаг...
...не помню...
...как дышать...
...остановил сердце...
...странно...
...ничто не меняется...
...со мной разговаривают люди...
...набираю воздух...
...отвечаю...
...как же я мертв...
...никто не замечает...

Люди и муравьи

Парапсихоанализ чем-то сродни искусству скульптора. Задача последнего сводится к тому, чтобы от глыбы мрамора отсечь все лишнее. Тогда родится шедевр. А что лишнее в нас?..

Если однажды утром в каком-нибудь муравейнике заведутся необыкновенно умные муравьи, во всем сомневающиеся, ищущие в жизни правду и требующие справедливости, можно не сомневаться, что уже к вечеру того дня в лесу начнется сильный пожар. Однако еще более страшных перемен следует ждать, и они непременно произойдут, если хотя бы один из бесчисленных атомов, составляющих вещество нашей Вселенной и которых только на лезвии ножа умещается больше, чем людей на стадионе в момент закрытия на нем Олимпийских игр, вдруг задумается – с какой это стати вокруг его ядра с сумасшедшей скоростью несутся электроны? В этот миг Вселенная прекратит свое существование, она просто взорвется...

Ничего похожего, конечно, в нашем мире случиться не может. Не должно. Глупые фантазии! По крайней мере хочется в это верить... Атомы и муравьи, слава Богу, думать не умеют, а уж тем более не обучены принимать самостоятельные решения, во всяком случае в той форме и так эмоционально, как это обычно делаем мы, люди. Именно поэтому нам и нет нужды опасаться, что в этом мире кроме нас найдется еще какая-нибудь сила, способная привести Вселенную к катастрофе. Для этого, по счастью, *никто* не обладает достаточной степенью свободы. Или ума, что, если разобраться, практически одно и то же.

Господь наделил атомы или муравьев таким количеством разума, чтобы его хватало лишь на исполнение Его Божественной воли, но уж никак не на принятие собственных (сознательных) решений. Что же касается способности ошибаться, то это, безусловно, привилегия исключительно человека и больше ни одно существо во всем мироздании не одарено этим свойством (качеством). Совершенно очевидно – для этого необходим ум и причем ум человеческий.

Однако, чем же все-таки муравей отличается от человека по существу, кроме того, что не в состоянии совершать ошибки? Как было отмечено, он почти нацело лишен свойства, которое мы называем свободой, и всякий выбор за него осуществляет его инстинкт, что, как должно бы нам показаться, делает его жизнь до крайности скучной и неинтересной. Да просто примитивной, чего уж тут слова подбирать. И в самом деле, муравей не знает зачем живет, хотя, правда, нисколько от этого не страдает. А вот здесь – внимание! Не кажется ли вам, что все сказанное выше в отношении муравья являет как раз полную аналогию человеку, а никак не принципиальное отличие от него? Миллиарды людей живут точно так же, как и муравей, совершенно не представляя, зачем они это делают.

Страшно подумать, а ведь именно полное отсутствие свободы и неспособность это обстоятельство толком осознать как раз и позволяет муравьям успешно справляться со всеми теми задачами, ради решения которых ими в свое время заселили Землю. Сами муравьи при этом, конечно же, не догадываются, что заняты чем-либо еще, кроме того, что просто живут, ищут себе пропитание и спасаются от холода и дождя. Они не анализируют, что и зачем делают и как им все это удастся, однако достаточно попробовать соорудить в лесу муравейник или хотя бы просто грамотно выбрать для него место, чтобы убедиться в том, что это вовсе не такая уж примитивная работа, как кажется на первый взгляд.

Вот уж чем мы точно отличаемся от муравьев, так это тем, что постоянно о чем-то думаем. Должно быть, это наш мозг устроен так, что не предаваться размышлениям он просто не может. Мы думаем с утра до вечера и о чем угодно: о деньгах, о своих родственниках, случается – о Боге или просто ни о чем, но тоже думаем. Человек вообще любит подумать, хотя многих эта привычка уже завела в сумасшедший дом.

А зачем мы думаем, кому и какая от этого выгода? Может быть это наказание или вредная болезнь, придуманная специально для человека? К примеру, деревья или киты этим опасным и весьма заразным заболеванием не страдают, хотя, как известно, мозг у китов значительно больше нашего. Ну скажите, пожалуйста, кому еще, кроме нас, может прийти в голову идея задуматься о смысле жизни, своей судьбе или о Боге? Когда и кто получал ответы на подобные вопросы, просто лишь думая об этом? Тогда, спрашивается, куда же вдруг подевалась наша логика и прагматизм? Похоже, мы сознательно отвлекаем себя всякими глупостями.

* * *

Когдаходишь в состояние парапсихоанализа (а для этого даже не обязательно знать что это такое), нужно быть осторожным со своими мыслями. Бывает, мы лениво мечтаем о том, достижение чего сопряжено с преодолением сверхпрепятствий. Таких, например, как смерти. Парапсихоанализ может опасно приблизить любую ситуацию...

Через размышление некоторые люди, случается, уходят от своих мыслей, и в момент, когда это удастся, их вполне можно назвать безумными, потому что им посчастливилось хоть на время, но отказаться от ума. Вот они как раз, в отличие от многих, и получают ответы! Причем на любые вопросы, не только не задумываясь, но, собственно, даже ни о чем и не спрашивая. Погружаясь в медитацию или в мистический транс, они переживают состояние, которое можно описать как видение смысла жизни или сути вещей. Таким путем (способом) человек приобретает духовный опыт, или *знание*.

Есть разница между вульгарным шевелением мозгами и медитированием. Всякая мысль во время

медитации прекращается, и человек, строго говоря, вообще перестает или забывает думать. Он уподобляется дереву или дельфину и просто живет, наблюдая или уже *зная* все то, что в этот момент открывается его сознанию. А открыться может многое. Это зависит от степени концентрации и направленности его остановившегося взгляда и того, на что он только собирался посмотреть, прежде чем вошел в медитацию. Человек, к примеру, запросто может сделать себя ветром или шариковой ручкой. Демонстрацией мод в Гуме или Новым годом. Стать надписью на конверте или температурой воздуха за окном. Или даже Богом... Причем “стать” духовной сущностью здесь отнюдь уже не есть лишь аллегорическое “представить себе” или “почувствовать нечто эдакое...”. Это означает буквально и на самом деле “влезть в шкуру” Бога изнутри, то есть воплотиться в Него.

Обычно мы развлекаем себя тем, что даем работать своему мозгу. Нам нравится не стоять на месте, бороться, преодолевать всевозможные препятствия и таким образом, как говорят, “расти над собой”. Вот только почему-то мы упорно не желаем замечать, что, каждый раз задействуя свой ум в качестве вспомогательного инструмента прорывов вперед, мы гарантированно движемся в обратную сторону от того, к чему, якобы, искренне стремимся. Кто еще из знакомых нам существ обладает такой колоссальной степенью свободы ходить в заведомо ложных направлениях, абстрактно мыслить и говорить красивые слова про высокое, но при этом ошибаться на каждом шагу, то есть практически стоять на месте? Может быть Бог? Да ничего подобного!

Бог никогда не ошибается, хотя бы уже потому, что ничего (в нашем, конечно, понимании) не делает. А кроме того, Он вообще ни о чем не думает. В этом отношении Бог чем-то даже напоминает муравья, только знает несколько больше последнего. Хотя, впрочем, не факт. Бесспорно одно: думать Ему незачем, потому как Он и так все знает. Для Него не существует того, что мы определяем словом “новое”, поэтому Он в принципе и не может когда-нибудь вдруг пожелать что-либо узнать. А ведь как раз для того, чтобы узнавать какие-то вещи мы однажды и начинаем думать, как будто другого способа узнать в природе не существует...

* * *

Похоже все-таки, что человек – единственное думающее существо в обозримом пространстве. Заметьте, при всем желании совершенно невозможно сказать “знающее” или “умное”, поскольку размышление вовсе не приводит нас автоматически к тому, чтобы на самом деле начать что-либо узнавать или хотя бы просто стать умным. Иногда случаются даже и обратные вещи. Вот атом, к примеру, вообще ни о чем не думает, но знает и умеет делать такое, что нам и не снилось. А Бог? Что уж тут говорить...

Нам свойственно без меры гордиться своим рассудком, полагая, что именно он сделал нас венцом природы, чем-то исключительным. Но разве он в состоянии нам подсказать кто и когда, а, главное, зачем придумал нас, а еще прежде – атомы. Кто рассчитал траекторию движения электронов и при каких обстоятельствах все они были запущены на орбиту? Да что вообще мы знаем об этом мире и о той роли, которую в нем играем? – Почти ничего...

Нам, конечно, приятно себя обманывать, полагая, что, в отличие от муравьев, мы обладаем какой-то просто феноменальной степенью свободы, позволяющей нам самим решать что мы будем делать, а что нет. Но при этом совершенно не исключается, что кто-нибудь сейчас смотрит на нас в микроскоп откуда-то очень издалека и сверху, примерно как мы рассматриваем муравьев, и думает про нас то же самое, что и мы думаем о муравьях: “Как хорошо, что Бог не дал этим жалким человечкам ни капельки ума и свободы. Вот они ползают себе по своей маленькой планете и тащат за собой на гору высохшие хвойные иголки, а при этом не видят и даже не догадываются, какие красивые муравейники инстинкт заставляет их строить. Какие они глупые, но, согласитесь, милые. Интересно, а они вообще что-нибудь понимают, эти люди? Ну и хорошо, что нет, а то непременно разучились бы возводить свои замечательные муравейники и радовать *нам* глаз. А потом в лесу, поумней они сверх положенного, враз не стало бы никакого порядка...”

Если говорить серьезно о разнице между муравьями и людьми, то скорее всего ее можно усмотреть в том, что муравьи, рождаясь, знают уже почти все, что вообще способны узнать за свою жизнь, а человек – нет. И, оказывается, самое ценное, до чего человек в состоянии додуматься, для чего, быть может, ему и дается разум, это то, что между ним и муравьями нет существенной разницы ни в уровне развития, ни в той роли во вселенской игре, которую мы все вместе играем. Когда мы поднимаемся до ясного видения смысла этой простой истины и спокойно соглашаемся с ней, наше сознание не просто расширяется, а качественно преобразуется и *превращает* нас и, как это ни странно прозвучит, нашу природу. Мы начинаем из настоящего руководить своим будущим и даже... прошлым.

Значение осуществления произвольных и, главное, сознательных шагов в эволюции своего психического заключается в том, что, когда этот прогресс действительно наступает, мы однажды перестаем настаивать на том, что существо, которое каждый день встречаем проходя мимо зеркала, стопроцентно является нами. Мы, оказывается, вовсе не обязаны быть им и вообще быть тем, чем до сих пор являлись, а вполне можем себя выбирать. Назначить, к примеру, нового себя, незаметно перепрограммировав для этого свою судьбу и став тем, чем мы сегодня предпочитаем быть.

Но самое главное, способный наблюдать себя буквально со стороны, то есть пребывающий вне себя, становится безошибочным в своих мыслях и делах. Более того, в рамках старого закона он делается совершенно неподсуден, поскольку ставший Ничем, фактически прекращает быть прежним человеком и ходить туда, куда только и могут стремиться обыкновенные человеки. Кому дано судить [путь] сверхчеловека?..

* * *

Странное дело – когда затребованное некогда измененное состояние сознания вдруг нас посещает, мы никак не можем вспомнить, когда и зачем его призывали. И вместо того, чтобы начать радостно с ним работать, говорим себе, что заболели, пьем успокоительное и пытаемся расслабиться, как будто очень сильно напряжены...

На протяжении нескольких последних тысячелетий человек сознательно придумывал для себя всевозможные религии и очень активно работал над формированием различных учреждений имени того или иного божества. Странно, а ведь даже и сегодня ни один политический институт не может построить сколько-нибудь стабильное сообщество и при этом полностью обойтись без поддержки своей деятельности со стороны института религиозного. Более того, наблюдается даже заметное увеличение активности, направленной на наращивание взаимодействия и контактов этих структур. Не то, чтобы сейчас люди как-то особенно вдруг уверовали, скорее даже наоборот, прагматизм уверенно набирает силу, но однако ж факт – слов и денег на Бога не жалеют. Почему такое происходит? Неужели никак нельзя обойтись без Него? – Запросто. Обходимся же без культуры, заменив ее красивыми фразами и дорогими вещами...

Нужно принять во внимание то печальное обстоятельство, что в профессиональные проповедники люди сейчас в массе своей идут по убеждению или “призванию”, но отнюдь не по дарованию. Стало уже “доброй традицией” горячо рассуждать с кафедры о духовном и обучать внемлющий народ, ни разу в жизни Бога не узрев и понятия не имея о том, как Он выглядит и чего от нас хочет. По преданию или воспоминаниям очевидцев, так сказать, создавая эдакие ментальные конструкции...

В нашей жизни реально существуют вещи невидимые и, увы, умом не постигаемые. Говорить о них, конечно, необходимо, собственно этим мы сейчас и занимаемся, но только делать это нужно с великой осторожностью, поскольку тонкое легко рвется. И однажды испачканное неточностями, потом трудно отстирывается. Увещевания же о том, что без духовности человек скоро забывает свои корни, неизбежно деградирует, душой черствеет и идет к верной гибели, хоть и верны в принципе, но размыты и неубедительны, поскольку по сути есть риторика. Уже не срабатывает. Так что без храма и воскурения ладана в наши дни не столько можно, сколько Наверное просто доведется обойтись, поскольку увлечение понятиями и вещами рукотворными, равно как и мода на некогда запретное, весьма скоротечны и вслед за уходящим тысячелетием неминуемо прейдут. Опустеют здания архаичных верований, но вот только не хотелось бы, из любопытства заглядывая в прекрасные музеи духовной культуры прошлого, остаться без своего духовного настоящего и будущего. А что это такое? Вот он – вопрос...

* * *

Цивилизация, тотально и принудительно интеллектуализировавшая современного человека, превратила его в машину, поневоле думающую всегда. Однако в перспективе нас ожидает нечто еще более угрожающее: неизбежно и полностью будут психологизированы не только общество, что как бы естественно и понятно, но и сама личность, а также культура и, стало быть, дисциплина общения с неведомым, если только, конечно, этот процесс уже благополучно не завершился. Вот почему предложения незамедлительно поискать новые определения, формы и ситуации контакта с духовным сегодня вовсе не кажутся идеями чересчур экстравагантными и преждевременными.

Человек, стоящий на рубеже нового тысячелетия, воспитанием и образом жизни отводимый сейчас от рукотворных храмов уже в силу того, что время эпосов закончилось, рискует позабыть не только легенды наивных театрализованных религий, но и то, что вообще есть храм в душе и как его возводят. Мы здорово рискуем разучиться слышать Собеседника, превратив наш диалог в “испорченный телефон”. Как бы не уподобиться “умному” атому... Представьте себе, что какой-нибудь атом вдруг решит, будто у него внутри никакого движения (электронов) нет, потому как он его не замечает. Как хорошо, что ему об этом нечем подумать, ибо если он до такого, не дай Бог, когда-нибудь дойдет, да еще начнет на своем настаивать, останавливая тем самым внутреннее движение, случится страшное...

* * *

Театр... (продолжение)

Все организационные вопросы, связанные с планами на будущее, жильем, переходом на летнее время, распределением ролей и прочим, в нашем Театре решаются в рабочем порядке, спокойно и цивилизованно. Не то, что в других. Точнее говоря, никакие вопросы здесь вовсе не решаются, поскольку никто себя ими и не озадачивает. Все проблемы, от своевременного урегулирования которых зависит поддержание на должной высоте стабильного качества вечерних спектаклей, администрация Театра чутко предугадывает и заботливо перекладывает на собственные плечи, не отвлекая всякими мелочами коллектив от работы.

Разумеется, это вовсе не значит, что артисты совершенно оторваны от жизни, пребывают в каких-то искусственных стерильных условиях и понятия не имеют о том, что творится у них под носом. Конечно же они все знают, поскольку читают обо всем в газетах и регулярно знакомятся с распоряжениями администрации, поглядывая на доску объявлений в коридоре. В самом деле, нужно же быть в курсе событий и знать, как следует себя вести в той или иной ситуации или во что, к примеру, вечером одеться, чтобы не выглядеть смешно.

Когда в календаре, что висит за кулисами, заканчиваются листочки, на которых кто-то до сих пор рисовал слово “лето”, рабочие сцены быстро соображают, что надлежит делать. Они весело поднимаются по лестнице под самый купол Театра и из закрепленных там на стропилах деревянных ящиков лопатами бросают на сцену снег. Всем от этого делается холодно, птицы быстро собираются и улетаю на юг. И даже тот, кто никаких объявлений или газет отродясь не читал, в такие моменты отлично понимает, что в Театре наступила зима и пора надевать шубу. Точно так же здесь время от времени устраиваются наводнения, пожары, различные эпидемии и войны.

Хотя, впрочем, нет. один раз театральный профсоюз все же пошел на поводу у общест-венности и проявил собственную инициативу. Вернее, скажем так, он был вынужден занять “активную позицию” и принять, наконец, первое в своей истории самостоятельное решение. Вдруг выяснилось, что у выборных театральных органов никакой связи с администрацией не было и нет. Ни телефонной, ни тем более прямой, – никакой. Вот почему профсоюз так и не смог передоверить театральному руководству свою проблему, решение которой в тот момент абсолютно не терпело отлагательств. В Театре назревала революция. Дело шло чуть ли не к перевыборам профсоюза. Ситуация явно выходила из-под контроля, и земля под ногами худ-совета зашаталась. Необходимо было незамедлительно предпринимать какие-то решительные шаги и окончательно определиться в одном весьма щекотливом идеологическом вопросе. Пора было раз и навсегда покончить с тем идиотски двусмысленным положением, в которое благодаря подстрекательству нескольких смутьянов оказался вдруг ввергнут дружный коллектив нашего Театра.

Художников и бутафоров в спешном порядке и за огромные премиальные заставили ночью найти и отвести на сцене подходящую площадку под “зрительный зал”. Как полагается его выкрасить, лучше всего темной краской (так якобы обнаруживается больше сходства с оригиналом), а главное, отгородить его от остального пространства сцены до такой степени неприступным забором, чтобы даже кошки со временем перестали там гулять. Настоящего зрительного зала из-за постоянно бьющего в глаза света юпитеров, в жизни никто не видел. Кроме того, *оттуда* который год подряд раздается одна лишь тишина. Однажды кого-то разоб-рало-таки любопытство: а есть ли там зрители вообще. Вот почему в тот проклятый день и прозвучал наглый вопрос: “Для кого играем?”

В наспех нарисованный “зрительный зал” рабочие в тот же день принесли из реквизи-торского цеха несколько стульев. В них усадили особо заслуженных артистов, объяснили им как, по всей вероятности, выглядят зрители и как их, стало быть, нужно изображать, чтобы было похоже. За кулисами, вверх по лестнице, а также в конце коридора повесили таблички “Выход”. Никакого выхода в тех местах, где его обозначили, разумеется, нет, как, впрочем, нет и зрительного зала там, где его нарисовали, но искать настоящие было некогда. Приходилось

срочно спасти Театр от катастрофы и что-то придумывать – актеры изнервничались и стали просто неуправляемыми. Смутьяны зашевелились и подняли головы. Только войны в Театре не хватало!

Поначалу артисты робко и даже как-то затравленно жались по стенам, шептались между собой, а потом вдруг все внезапно разволновались, да так, что начали громко кричать, топтать ногами и грозиться вечером не пойти на работу. Через день, правда, все опять отчего-то сильно перепугались, шуметь перестали и тихонько, уже плача, умоляли только разъяснить: почему в Театре до сих пор на втором этаже нет буфета, где вешалка, когда выплатят обещанную премию и почему публика не хлопает в ладоши? Искать выход из Театра уже, слава Богу, забыли, но и тут отдельные негодяи все же принялись было мутить воду: пора де, наконец, автору Пьесы, режиссеру или кому там еще из администрации объявиться и выйти из своей логи на свет поговорить с творческим составом. О планах на текущий и предстоящий сезоны, о том, о сем. Толпа опять зашумела, и все снова почувствовали себя обманутыми, чуть ли не выставленными дураками. Ужас! И уже только после того, как на сцене в разных углах зажглись надписи “выход” и “зрительный зал”, люди понемногу успокоились, потому как все стало на свои места. Все проблемы разрешились, вернее – отпали сами собой. Волнение улеглось, страсти утихли, и жизнь понемногу вошла в привычную колею...

* * *

Когда последнее слово Пьесы было дописано, автор устало откинулся в кресле и мыслью соткал перед собой бездну. Ее созерцание вернуло тишину и покой. Все опять изменилось, время остановилось, а сам автор незаметно исчез. Вместо него, его лампы, кресла, письменного стола и листов бумаги со словами сценария вечного действия, раскачиваясь и переливаясь множеством граней, в пустоте парил и горел алмаз. Все растворилось в нем, более того, теперь стало понятно, что всегда им и было. Кристалл светился изнутри и имел свое имя: Закон. Бриллиант был прозрачнее воздуха и не содержал в себе никакого вещества, но только идею. Вне алмаза лежала бездна, и, кроме камня, ничего видно не было.

Неведомо кто завел часы, бесшумно нарисовал карандашом воздух, потом жизнь, а из пыли слепил звезды и прочие декорации. Из лоскутов материи ножницами были вырезаны красный цвет, память, всевозможные маски, эмоции и актеры, которые все это на себя и надели. С помощью ножа из обыкновенной бумаги, клея и блестящей мишуры невидимые руки соорудили в эфемерном пространстве кристалла фантастический Театр. Кто-то подышал на камень и вытер его тряпкой, от чего тот засверкал еще ярче и вдруг... все пришло в движение. Пока идут часы, заведенные прежде времени, Пьеса не окончится. Она началась давно и будет идти еще очень долго, почти всегда...

Лампы в зрительном зале медленно погасли и освещенной осталась только сцена. Некогда людей было невозможно привлечь к участию в этой Пьесе – автор их тогда еще не придумал. Ее играли огонь, пыль и ветер. Говорят, что когда-нибудь придут и такие времена, когда люди перестанут в ней играть: соберутся и все вместе уйдут из Театра. Случится это, правда, нескоро, но задолго до того, как в часах сломается единственная стрелка, все остановится и последнюю реплику произнесет кто-то другой, не человек...

Продолжение следует.

* * *

Моей знакомой сейчас приходится несладко. В последнее время она переживает настоящую трагедию. Огромные неприятности в семье, и разговоры, когда мы встречаемся, всегда возвращаются, понятно, к больной теме. Недавно умер муж. Тремя годами раньше дочь вышла замуж и уехала в Англию. Отъезжала со скандалом, разругавшись со всеми, и уже несколько лет от нее ни слуху, ни духу. Адрес известен, но не более того. Общения никакого. На похороны отца также не прилетела.

Кроме дочери, у моей приятельницы есть еще сын. Пока он был маленьким, болел постоянно. Вырос – легче не стало. Учился кое-как. В институт еле поступил, потом бросил его и угодил в армию. Полгода назад вернулся, а через неделю вдруг сорвался куда-то на Дальний Восток и там пропал. За все время ни одного письма. Ни разу не позвонил. От каких-то случайных знакомых известно, что жив. И только.

Мне хорошо известен характер детей подруги. Им всю жизнь было и будет трудно ладить с людьми. Вокруг них всегда возникали какие-то странные и даже нелепые проблемы, но как можно отказываться видеть свою мать?! Оказывается, можно. У них теперь свои семьи. Имеют право жить отдельно.

Дети разъехались, с работы ушла, мужа не стало, и совсем еще не старая женщина вдруг оказалась никому не нужной. Она осталась совершенно одна в пустой квартире. Есть люди, которые не переносят одиночества. Просто не могут оставаться одни. Свою жизнь они растворили в близких или в своей работе, а когда те уходят, начинается самый настоящий кошмар. Эти люди перестают есть и спать, начинают болеть и сходят с ума от тоски. Мы не всегда замечаем их переживания, поскольку, как правило, нам никакого дела нет до их чувств. Они сильно страдают. Это чистая правда. Такое можно встретить сплошь и рядом...

Причина жестокости детей моей знакомой на самом деле кроется не только в их скверном характере, в душевной черствости или в отсутствии денег. Жизнь сейчас нелегкая, это так, но, в общем, не настолько же! Зная их мать, мне нетрудно догадаться в чем дело – она, оказывается, их слишком сильно любит. Странно и даже нелепо звучит, не правда ли? Однако проблема заключается именно в этом. Любовь и привязанность к детям столь велики, что эта женщина почти физически нуждается в том, чтобы они всегда были рядом с ней. По-русски это называется необузданностью чувств, когда уже все через край и со стороны выглядит как навязывание себя или даже деспотизм. Однако ей и вправду просто физически необходимо видеть своих детей постоянно, каждый день, знать, где они и что с ними. Возможно, это распущенность – возможно, я же ничего не говорю. Или болезнь...

Со временем дети подросли и, естественно, захотели жить собственной жизнью. Просто начать жить. Для себя и без матери. Разве это ненормально? Во всем мире дети уходят из родительского дома и ничего в этом страшного нет. У нас теперь почти Запад, так почему бы не перенять их образ жизни и традиции. Вот ее дети и разъехались подальше, кто куда. В Лондоне растет внук, сын на Камчатке, а мать у себя, в Пушкино, осталась одна в глубоком шоке...

Ужасно то, что потеря самого близкого всем им человека, отца, несколько их не сблизила, а наоборот, разъединила. Так уж получилось, что смерть нашла его в момент, когда рядом не оказалось никого, кроме чужих людей, и почему-то именно это обстоятельство родные теперь никак не могут друг другу простить. Обиды, глупые обвинения и необоснованные претензии – всего множество. Одним словом, на глазах семья разрушилась. Картина невеселая. Сидеть в четырех стенах моей знакомой одной невольно, вот, наверное, почему мы и стали чаще встречаться у нас дома. Пьем чай, когда есть время, болтаем о разном и каждый раз пытаемся распутать клубок, казалось бы, уже совершенно неразрешимых противоречий. А может быть просто жаль человека, хочется немного успокоить беднягу, и я лишь даю ей возможность выговориться?

Обычно, когда вечерами сидя у меня на кухне, мы подступались с йодом и бинтами к ее открытой ране, намереваясь посмотреть на проблему с какой-нибудь новой стороны, полагая, что, может быть, ее хоть в этом случае удастся понять и как-нибудь разрешить, с моей подругой непременно случалась истерика. На меня выливался поток слов, жалоб, слез и боли. Недельно-другую я пытался, никак не реагируя, просто терпеливо все это наблюдать и, словно губка, впитывал в себя шквал отрицательных эмоций – информацию, надо сказать, мне абсолютно ненужную, пока однажды не понял, что эти разговоры стали совсем неинтересны и начали действовать на меня раздражающе.

Каждый раз я слышал одни и те же слова и, откровенно говоря, устал от их тупикового однообразия. Потом, чужие проблемы (здесь нужно честно признаться) никому не бывают уж особенно близки, а когда их вам долго навязывают, то и тем более – вызывают отторжение и желание поскорее остаться одному. (Однако мне уходить из собственного дома некуда, вот и пришлось выслушивать.) И наконец, выяснение того, кто именно оказался виноват первым, кто кому и что сказал, а потом сделал, и что за всем этим последовало – разговор, обреченный ходить по кругу, словно слепая цирковая лошадь. Он безнадежно неконструктивен и проблем не решает.

Можно ли сомневаться в том, что история, решаемая таким образом, непременно будет повторяться вновь и вновь без конца, ведь она в принципе неразрешима? Мы *ищем* не выход из ситуации, а причину, ее породившую, совершенно не умея этого делать. Вроде бы все логично, – так, во всяком случае, поступают многие из нас. Вот и мы ищем и, конечно же, находим (создаем) причину случившегося. В произнесенном слове, неверном ходе, сделанном кем-то, пусть даже нами, – это дела не меняет, в стечении обстоятельств, вероломстве и подлости человека, смертельно обидевшего нас, одним словом, во всем, что лежит *вне нас*.

У всякой, составленной из событий, ситуации есть некий пласт или уровень, который, оказывается, можно рассматривать отдельно от самой ситуации. Его, конечно, правильнее было бы уже назвать состоянием. Проникнув в него, мы можем начать решать и даже разрешить любую наболевшую проблему, хотя, строго говоря, то, во что мы входим, даже отдаленно не напоминает процесс рассмотрения чего-либо. Более того, собственно о ситуации, ради обсуждения которой и затевается столь хитрое действие, в эти минуты мы даже и не вспоминаем. Так что же это такое? И что необходимо сделать для того, чтобы надеть на себя это новое, явно измененное, состояние сознания? – А разве у человека есть альтернатива и волен ли он вообще выбирать из нескольких *равно разумных* и вместе с тем противоположных вещей?

Единственное, что с точки зрения эзотерической логики мы вообще можем сделать в этой жизни разумного по отношению к любой ситуации, независимо от ее конкретных и специфических подробностей, – это *любой ценой* вернуть себя в состояние отстраненного покоя и невозмутимости. (Все остальные действия трактуются эзотерикой как безумные или неумные.) Одним словом, когда мы возвращаем себя в состояние спокойной сосредоточенности и прекращаем всякое движение вовне, мы не просто подтверждаем свою лояльность чему-то более высокому, что, кстати, нет необходимости конкретизировать, но и передоверяем этим (высшим) уровням или инстанциям решение своих, – впрочем, с этого момента уже переставших быть нашими, – проблем. Внутренним молчанием мы санкционируем и производим запуск механизмов событийного превращения. Именно это еще называется духовной практикой.

* * *

Когда спокойно смотришь в зеркало, где-то вдаль стихает ветер и прекращается смерть...

Если мы изменяем спонтанно переживаемое умонастроение и вызываем этим другое, превращенное, состояние своей психики или сознания, в ту же самую минуту мы становимся свидетелями решения любой волнующей нас проблемы. Причем задним числом, в прошлом. Мы производим изменения в событиях, зародившихся прежде, чем нам пришло в голову сделать необходимое для их изменения превращение себя. Получается, что просто изменяя свое настроение, причем далеко не всегда делая это сознательно, мы превращаем то, что лежит вне нас не только в пространстве, но и во времени. Именно это однажды я и посоветовал осознать и проделать моей собеседнице. Попробуй. Немедленно! Чего тянуть?! Но как? Откуда вдруг взялась такая растерянность? Ну же, смелее!

– А куда мне девать обиды, ведь не могут же они быть забыты вот так сразу?!

– Кто это сказал? Собственно, почему не могут? В моменты резкого переключения уровней или изменения состояния своего сознания именно такое как раз и происходит. Или наоборот. Когда мы произвольно или нечаянно *подменяем* свое мировоззрение, то момен-

тально становимся другими людьми. Случается, человек даже бросает курить, потому что его новое *я* не имеет (еще не имело) этой привычки.

В отличие от психоанализа, парapsихоанализ не исследует факты или предысторию событий, изменение которых сейчас стало весьма желательным. Он не ищет именно *решения* проблемы по той причине, что видит свою задачу в другом и, соответственно, инструменты (методы) ее решения также подбирает себе необычные. То, о чем мы сейчас говорим (назовем это целью) будучи достигнутым, дальше уже само, без нашего участия, разрешает наши проблемы, предлагая нам увидеть не процесс их превращения, а уже готовый и конечный результат.

Так вот, цель известна наперед. Она всегда одна и та же и никоим образом не выражается в отыскании чего-либо. Задача формулируется как *возвращение* себя в состояние определенного безмыслия и глубокого внутреннего покоя. То есть приведение себя в нормальное, исходное состояние. Вот и все. Других задач у человека, оказывается, – так во всяком случае полагают мистики, – нет и быть не может, потому как все остальное (выправление конкретных ситуаций) в этом случае уже свершается само собой.

Внутренняя гармония – вещь самотворящая порядок далеко вне нас как в пространстве, так и во времени. Если цель (отстранение) ясно не формулируется нашим рассудком, а, стало быть, и недостижима, стремиться имеет смысл хотя бы к такому состоянию радости и облегчения, которое мы обычно испытываем в моменты, когда с наших плеч сваливается тяжелая ноша. Как если бы ситуация, изменения которой мы настойчиво добиваемся, уже

превратилась. Психологическая трудность этого маленького обмана заключается в том, что пойти на него нужно прежде, чем сама ситуация действительно начнет изменяться!

– *Как же можно избавиться от мыслей, которые не то что покоя, а и жить не дают?*

– В том-то и дело, что от них вовсе не нужно избавляться. Во-первых потому, что на это как-то жалко тратить время. А во-вторых, наши мысли выполняют *одну* весьма полезную функцию. Они являются знаком. Так, во всяком случае, к ним стоит относиться. Хорошо бы всегда помнить, что мысли (а чем они ярче и острее, тем даже и лучше) главную свою информативную нагрузку несут уже тем, что являются сигналом или дорожным указателем, повелевающим нам срочно остановиться и вернуться назад.

Раз ты думаешь, значит прежде уже в чем-то ошибся, и нормальное состояние человека – безмыслие – тебя покинуло. Оно было в тебе, но разрушилось, может быть в детстве или каких-нибудь полчаса назад, и сейчас ты его уже не помнишь. (Разумеется, когда мы говорим о безмыслии, то никоим образом не имеем в виду состояние тупой неспособности к мышлению или расслабленности, больше похожее на засыпание. На самом деле для того, чтобы достичь этого, как мы говорим, исходного состояния, необходимо как следует, то есть весьма напряженно, потрудиться, и в первую очередь, конечно, головой. Потому как уже только понять *что* есть полное безмыслие, совсем непросто, и сделать это можно исключительно рассудком. Больше нечем.)

Мысли, кроме того, в каждой конкретной ситуации дают нам знать как именно эту остановку и возвращение назад лучше проделать, чтобы добиться максимальной эффективности при минимальных затратах. В них всегда зашифрована некая конкретность. Нужно научиться читать свои собственные мысли. Но не их прямое сообщение, а то, какой скрытый смысл они в себе таят и зачем именно сейчас к нам пришли. Они никогда не являются симптомом, а уж тем более причиной и содержанием самого раздражения или проблемы, как это нам почему-то всегда кажется, а именно и только сигналом, свидетельствующим о том, что отклонение от нормы, то есть от точки равновесия или покоя, некогда с нами уже произошло.

Что это за отклонение, чем оно вызвано и зачем случилось – нам неизвестно. Да и нужно ли стремиться это узнать! Как только мы начинаем что-либо припоминать или анализировать с

помощью все тех же мыслей, которые нас только запутывают, мы неминуемо удаляемся от разрешения своих проблем, и вероятность совершить единственно правильный шаг, известный, к слову сказать, заранее, катастрофически уменьшается.

Когда горит костер, нужно чтобы кто-нибудь постоянно подкладывал в него поленья. Совершая духовную работу, то есть преодолевая свои мысли и настроения, мы тем самым и кладем сухой хворост в огонь. Кто и когда зажег пламя, кому оно светит и кого согревает вряд ли должно нас сильно интересовать, – поиск точных ответов всегда отвлекает. Мы можем, к примеру, вдруг узнать, что греться у костра, который и горит только потому, как нам кажется, что мы бросаем в него дрова, званы какие-то совершенно незнакомые нам люди, а вовсе даже и не мы. Что в этот момент происходит с нашим энтузиазмом и бескорыстной христианской любовью к людям? Они почему-то стремительно улечиваются, и то, чем мы только что, не задумываясь, по велению своего сердца, занимались (исполняли духовную работу), останавливается.

Недавно мне, наконец, удалось немного успокоить и убедить свою подругу перестать психовать, взять себя в руки и прекратить борьбу мыслей в голове. А после того как это произошло, просто посмотреть чего в ней осталось больше на момент, когда она перестала швырять в своих детей горящими головнями собственного страдания – любви к детям и внуку, которая не может принести им ничего, как выясняется, кроме раздражения и неприятностей или идущего из глубины сердца желания, чтобы те жили спокойно и счастливо? Пусть без нее... *И согласиться с любым ответом.* Во всяком случае она хотя бы посмотрит в зеркало и увидит в нем то, что есть на самом деле. Другими словами, войти в состояние парапсихоанализа и произвести в себе разделение...

Результат этой беседы не заставил себя долго ждать. Позавчера я узнал, что в тот же день поздно вечером моей приятельнице позвонила дочь из Лондона. Звала ее и своего брата (с ним она *еще раньше* обо всем договорилась по телефону) в гости. Что-то прекратилось и успокоилось. Зачем жить одной, когда в Англии у них большой дом и внук постоянно спрашивает про бабушку? Обиды прошли, и как-то сразу у всех. Больше не стало сопротивления обстоятельств. Интересно, почему? Ситуация в корне изменилась. Случайность? Или может быть совпадение? – Может быть.

В жизни случаются вещи и куда более интересные. Все зависит от того, что именно мы хотим изменить, от глубины нашего покоя, степени отстраненности, а главное, от нашей искренности. В данном случае вполне хватило и этого уровня. Проблема, конечно, была, но не Бог знает какая серьезная. И тем не менее это было восхождение. Если пойти дальше и взойти на другую ступень все той же лестницы, можно уже научиться отодвигать смерть или останавливать время...

* * *

Письмена... Мозаика из осколков...

...Дьявола нет...

...голова приблизилась к небу...

...это мои ноги...

...ушли в землю...

...тяжелый...

...сделался выше ростом...

...загнал Бога...

...теперь вижу Его...

...устал от меня прятаться...

...в полноте...

...внезапно раскрылся...

...вселенная уменьшилась...

...потеряла привычные измерения...
...вспышка и ветер...
...шум многих крыльев...
...любовь начало жизни...
...жадно пью Слово...
...невыразимый восторг...
...прощение...
...голос и огонь...
...горят кусты и земля...
...воздух...
...океан света...
...слишком ярко для глаз совы...
...вдруг испугался...
...кто-то кричит...
...кровь на полу...
...бегают люди...
...странный звон в ушах...
...дыхания нет...
...опять тоннель...
...растерянность смерти...
...все знакомо...
...зрачки выворачиваются...
...смотрят в мозг...
...отчаяние и тоска...
...темно, запах хвои...
...пусто и холодно...
...боль прекратилась...
...какая громкая тишина...
...потерянность обманутого...
...безразличие...
...утрата себя...
...переход через небытие...
...как все просто...
...уже давно нет времени...
* * *
...наконец...
...закрылись глаза...
...как хорошо и спокойно...
...опять пробуждение...
...мир изменился...
...все куда-то идут...
...смотрят под ноги...
...неожиданная встреча...
...случайно...
...не готов...
...неужели Он...
...сидит в стороне...
...тени проходят мимо...
...вижу Его глаза...

...совсем не похож...
...это Он...
...пытаюсь заговорить...
...оправдаться...
...удивительно...
...ожидаешь чего угодно...
...другого...
...не задает вопросов...
...больше...
...ничего не нужно...
...вообще не произносит слов...
...только Он...
...излучает любовь и вечное успокоение...
...отпускает беспокойство...
...все закончилось...
...слезы как вода...
...позвали...
...пора идти...
...на работе аврал...
...каждый день репетиции...
...скоро гастроли...
...все как обычно...
...за окном...
...третий день идет дождь...
...время давно остановилось...
...всегда только сейчас...
...завтра почему-то не наступает...
...по утрам снова возвращается сегодня...
...слышу, как растет трава...
...на улице узнал Его...
...вышел ко мне...
...из глаз ребенка...
...потом этот запах из детства...
...привык жить без случайностей...
...в доме нет зеркала...
...чтобы видеть себя...
...смотрю в небо...
...я теперь – погода...
...движение облаков...
...стечение обстоятельств...
...чужие мысли...
...все тонко и взаимосвязано...
...это уже не мой костюм...
...я больше не свое тело...
...во всем и везде...
...в происходящем...
...осознаю себя только ситуацией...
...переживание вечности приятно...
...святость нормальна...

...в чем подвиг...
...как это “любить Бога”...
...зачем придумывать...
...дистанция и фальшь в намерении...
...необходимо приблизиться...
...к себе...
...понять и пережить...
...внутри зрачков...
...прежде мысли...
...сзади и вокруг...
...вместо себя...
...езде...
...Он есть Я...

Теория и технология веры

Пытаться изменить реальность – это примерно то же самое, что пробовать силой мускулов передвинуть большой дом или целый город. Можно, конечно, поднатужиться, упереться в землю ногами...

– *Бывает, мы говорим – верить, а иной раз – веровать. Есть ли какая-нибудь разница между этими двумя словами, и что такое вообще – вера?*

– Когда мы *доверяем* тому или иному человеку, это все равно как если бы мы сказали, что верим ему. С другой стороны, мы также верим и в то, что завтра взойдет солнце или что умножив семь на семь в результате получим сорок девять. Заметьте, одним и тем же словом передается смысл вещей разных. Причем в то, что солнце взойдет и завтра, и послезавтра, мы верим не задумываясь. В самом деле, раз это случилось вчера или сегодня утром, так же как, впрочем, бывало и в течение последних ста лет, почему бы не предположить, что автоматически это и впредь будет происходить каждое утро. На протяжении миллионов лет. Всегда. Мы в это верим.

Так же точно мы верим в то, что, кто бы ни занялся перемножением семерок, в ответе он всегда будет получать сорок девять. Каждый раз, всегда и везде, считая столбиком, в уме или на компьютере, сегодня и через двести лет. Занимается ли вычислениями человек с тремя высшими образованиями, гуляющий в скафандре по Луне, или мальчишка-двоечник, во время уроков убегающий ловить рыбу в Которосли неподалеку от Ярославля. Независимо от погоды и времени года – ни от чего. Железно! В данном случае “верить” означает *знать точно* или *не сомневаться*, хотя, впрочем, это и не вполне одно и то же. И вот что странно: если внимательно оглядеться по сторонам, мы увидим, что совершенно необязательно быть на все сто действительно правым в том, во что мы верим. Случается же (и очень часто!) так, что, пусть по неведению, но мы искренне верим или, скажем иначе, бываем *абсолютно убеждены* в вещах отнюдь не бесспорных. Например, в том что $7 \times 7 = 49$...

В отличие от “верить” слово “веровать” уже имеет несколько другую окраску (значение). Оно сильно энергетизировано и употребляется, как правило, в строго определенном смысле. Это специфически заряженное слово не только раскрывает содержание чувства человека (его веру в сверхъестественное), но и указывает на повышенно эмоциональный характер самого переживания, его особую экзальтацию или истовость. Слово “веровать”, кстати сказать, издревле появилось на Руси и не просто так. Оно чисто русское по духу или менталитету и весьма характерно именно для православия. В других языках аналоги ему редки.

Мы не часто обращаем внимание на то, что, думая о Духовном, непроизвольно избегаем употреблять слова “знаю” и “не сомневаюсь”. Это потому, что по традиции у нас как-то не принято о Боге *знать*. В Него настоятельно рекомендовано именно верить, точнее – веровать всем сердцем (душой), что означает приходить к Нему через чувство. А вот на Востоке с успехом развиваются такие вероучения, которые предлагают и другие способы приближения к Абсолютному: не с помощью одной лишь веры, но и посредством знания также, то есть путем выстраивания логических умозаключений, формирующих особое – религиозное мировоззрение. Более того, некоторые из этих школ утверждают, что именно и только через знание возможно достижение мистического переживания столь высокого уровня, когда превращенное сознание начинает ясно видеть Бога.

Это в Индии. У нас же мудрость Тибета, древние буддийские и индуистские учения, корни которых уходят в глубь тысячелетий, почему-то не приживаются. Правда, временами к ним вспыхивает некоторый интерес, они встречают отклик и даже начинают будоражить умы ищущей интеллигенции, но, очевидно все-таки из-за сильной разницы в самобытности культур и ментальности, мода на них обычно подолгу не держится. Мы как-то уж привыкли во всем

обходиться своим *умом*. И это немного удивляет, потому что, искусственно разделяя верования на восточные и западные, мы начисто забываем, что все они по своему происхождению – с Востока. В том числе и наше христианство. Единственным в чисто западную религию, понравится нам услышать такое или нет, по факту вылился лишь психоанализ, и сотни миллионов человек, не отдавая себе в этом отчета, заочно исповедуют его материалистическую идеологию всем своим существом. Атеистичная, правда, и поэтому какая-то странная, однако по всем прочим характеристикам – самая настоящая религия новейшей фазы развития западной цивилизации, своеобразное вероучение прагматизма.

* * *

Отчаяние и пессимизм. Если первое в парapsихоанализе вполне может использоваться и стать эффективным инструментом достижения отстраненности, при условии что с ним грамотно работают и тщательно дозируют, то второе состояние, как бессмысленное и деструктивное, абсолютно недопустимо.

Можно ли верить не сомневаясь в то, чего, во-первых, не знаешь, а во-вторых, никогда не видел? Вот так взять и поверить, совершенно отбросив при этом всякие сомнения? Оказывается, нет. С точки зрения элементарной логики это не столько *неразумно* (что для верующего в сверхъестественное ругательным словом никак не является), сколько просто невозможно. Даже если очень сильно захочется или зачем-то просто нужно, к сожалению, сегодня и в самом деле это уже стало невозможным. Прагматизм глубоко засел в нашей крови. Разве что мы начнем играть с собой в игры.

В этой главе мы ограничимся лишь поверхностным прикосновением к теме разумности общения радио с трансцендентным. Напомним, что в Евангелии с предельной четкостью сформулирована мысль, что “всякая мудрость человеческая в глазах Господа безумие есть” (1 Коринф., 3. 19.). Представляется, однако, весьма любопытным допущение, что отсюда верным также может быть и обратное, а именно: контакт с Духовным для смертного человека есть самое настоящее безумие и возможен только через превращение ума, придание его функциям иной роли и качества. Стоит отметить, что на свете и вправду существует немало вещей, познанию и общению с которыми препятствует именно ум.

Мы имеем дело со странным парадоксом: два мира, позитивную ценность которых решительно невозможно чем-либо измерить, находятся в отношениях чуть ли не антивещества. Уже просто увидеть мир нематериальный, не говоря о возможности при жизни безнаказанно входить и покидать его, человеку удастся только в состоянии, которое большинство его психически уравновешенных сородичей однозначно характеризует как “нездоровое” или “очевидно ненормальное”! Отклоняющееся от нормы – безусловно, что же до нездоровья, думается, разумнее всего следует вести речь о сверх– или паранормальном видении мира.

А может быть мы имеем дело вовсе и не с парадоксом, а с *искусственно* кем-то сжатой и внедренной в тонкие планы нашего сознания пружинной, с обогащенным и готовым вступить в цепную реакцию ураном, с тем самым лезвием бритвы, балансируя на котором босиком, человек быстрее пробуждается и начинает острее видеть вещи, которые в любом другом, более комфортном и разнеженном состоянии различать не способен. Ведь достичь чего-либо мы можем только преодолевая какие-нибудь препятствия (или себя?). Это – аксиома. Но прежде, чем их разглядеть и сообразить как и зачем с ними нужно бороться, бывает, приходится немало потрудиться, чтобы их еще создать...

* * *

Обычно мы описываем характер наших взаимоотношений с Творцом как “доверительный”. Что говорить, этически выдержанная, теплая да и вообще во всех смыслах грамотная модель мироощущения. Однако, когда мы начинаем аргументированно и как бы убежденно настаивать на том, что Бог желает добра, помнит и всегда о нас заботится, металла в голосе почему-то уже не чувствуется. Похоже, мы в этом не вполне уверены. Вот почему несколько

даже нарочито, если не сказать испуганно, и пытаемся продемонстрировать в пустоту неба свое доверие Провидению в опережающем и одностороннем порядке. Лишенные обратной связи, мы не имеем возможности точно знать, что об этом думают там, наверху. А беда в том, что временами мы просыпаемся, утратив за ночь сладкое и детское ощущение защищенности и отцовской любви. (Кругом неприятности и враги. Чему радоваться и в чем она проявляется, эта защита?) Ничего удивительного нет. Любые, даже очень сильные, придуманные эмоции когда-нибудь да остывают, потому что все они нестабильны во времени. Правда, вместо одних чувств неизбежно приходят другие, но опять же чувства: апатия, разочарование и самое худшее и разрушительное из них – обида. На смену эмоциям покой мистицизма просто так сойти не может, хотя бы по определению самого мистического. Это слишком разнокачественные, а в древней традиции понятия чуть ли не полярные: мистика и эмоции.

Хорошо ли мы понимаем разницу между словами “знать” и “доверять”? К примеру, человек, которому я *доверяю*, легко может меня обмануть, это я *знаю*! Тем не менее, я не гоню его прочь, потому что *надеюсь* на лучшее. Странно, но, когда очередной обман со стороны близкого человека, друга вскрывается, я расстраиваюсь, хотя почему-то не бываю уж особенно сильно сражен или разочарован его вероломством. Должно быть потому, что на самом деле предательство по-настоящему никогда не бывает неожиданностью. *Доверяя и надеясь*, независимо от того кому доверяя и на что надеясь, мы *всегда* бессознательно *сомневаемся*. Вот почему глубоко в подсознании мы оказываемся психологически уже подготовленными к тому, что в любой момент можем обмануться в том, во что верим или кому доверяем безоговорочно. Человек в конце концов не солнце. Это в солнце можно быть совершенно уверенным, и мы знаем точно (как нам кажется), что завтра оно взойдет при любой погоде и ничье дурное настроение никак не сможет этому помешать. Итак, внутри “доверяю”, “надеюсь” и даже “уверен”, если пристально всмотреться, всегда можно разглядеть “сомневаюсь”. Вот они – ножницы! А может быть все-таки не ножницы, а та самая пружина?!

* * *

Не проси у Бога прощения – ты ведь еще не знаешь, в чем виноват.

Итак, без сомнений, как оказывается, совершенно невозможно верить! А веровать? – Тем более! Когда мы веруем в Божественное, то переживаем сильнейшие эмоции и именно этим приводим в движение неведомые нам механизмы психики, которые в свою очередь творят чудеса и вообще все то, во что желаем верить. Но для этого требуется особый надлом, бездна перед глазами, пресловутое хождение по лезвию бритвы или сжатая пружина. Чтобы огонь горел, в него бросают сухие дрова. Одних спичек и бумаги маловато. Сомнение же как раз и является топливом (дровами)! Они здорово горят.

И обычный-то человек далеко не всегда согласен с тем, что ему приходится наблюдать, проснувшись. Впрочем, нравится или нет, куда деваться. Верующий же *непроизвольно* стремится переделать все, что видит перед собой, силой веры рождая свой особый виртуальный мир. По сути такой человек является творцом всего, во что верует, в том числе и мира, в котором, кроме него, пребываем еще и мы с вами. Именно эмоциями мы перманентно творим некую виртуальную реальность, заселенную живыми образами и событиями, развивающимися непредсказуемо и тяжело, поскольку такая реальность есть не вполне здоровый сон.

Печально, но большинство из нас от рождения и до самой смерти умудряется и даже предпочитает плавать в состоянии нетрезвой и подвешенной над землей виртуальности, так ни разу не проснувшись и не погрузившись в саму жизнь. Настоящую же или собственно реальность, как, впрочем, и Бога, выдумать нельзя по определению. Любая сочиненная умом или эмоциями реальность есть вполне зримая и осязаемая конструкция, в которой с успехом можно не только жить или веселиться, но даже и умирать. Однако, она вовсе не есть реальность в абсолютном значении этого слова, и уж, конечно, искать там Бога – дело неблагодарное, хотя бы потому, что в ней можно найти только то, что способно существовать исключительно во

времени и в тесноте черно-белой четырехмерности, поскольку ничего другого вместить в ограниченное пространство своего воображения наш рассудок просто не в состоянии.

Фантазии (мысли и эмоции) верующего, как и галлюцинации наркомана, рожают стойкие иллюзии, настолько “живые” и привязчивые, что от них бывает невероятно трудно избавиться. Естественная эволюция мировоззрения индивидуума полностью останавливается. Движение личности вперед прекращается. Есть такое понятие – автозомбирование. Увлекаясь всевозможными интеллектуальными забавами, нужно быть начеку и все-таки жалеть свою психику, думая наперед, как из омута иллюзии мы потом будем выбираться на воздух реального. Достаточен ли для столь сложного маневра наш интеллектуальный, психический и жизненный ресурс?

* * *

– Похоже, что парапсихоанализ, возвекая о рождении некоего нового “бесстрастного и бездумного” способа или даже особенного пути достижения религиозного мистического переживания, напрочь отрицает положительную роль мысли и эмоций в этом процессе. Не так ли?

– И да, и нет. Давайте попробуем поглубже заглянуть в суть вопроса. Во-первых, любому “новому способу” сегодня, думается, исполнилась уже не одна тысяча лет, и парапсихоанализ, равно как и любая другая философская система, вряд ли добьется больших успехов все-речь занявшись выдумыванием чего-либо нового в области эзотерики. На самом деле, гораздо разумнее было бы просто припомнить и обобщить кое-что из основательно позабытого старого. Здесь лучше воздерживаться от революционных сверхидей в стиле модерн. Как ни странно, но для понимания главного в эзотерике необходимы простота, логика и даже некоторый консерватизм.

Во-вторых, то, что мы называем мыслью и эмоциями, конечно, может подвести человека к религиозному трансу, но никогда не приблизит его к собственно мистическому переживанию или опыту. Это совершенно разные вещи и не стоит их смешивать. Измененное состояние сознания такого уровня, когда в человеке спонтанно происходит отслоение его психической сущности от ее материальной оболочки, что только и позволяет ей свободно в нас раскрываться (а ведь именно это является не высшей, но следующей ступенью духовной эволюции человека), не есть, строго говоря, религиозное переживание, а именно мистическое.

Далее. Разница между религией и мистицизмом трудноразличима. Разглядеть ее можно единственно в том случае, когда мы, проанализировав собственный опыт, поймем, что религиозное базируется на произвольно (искусственно) или непроизвольно (спонтанно) подогреваемом в себе эмоциональном чувстве особого рода, рождающем виртуальную трансценденцию сверхъестественного. Речь на самом деле уже идет о переживании заранее заказанной и в общих чертах знакомой, узнаваемой иллюзии, чего-то придуманного нами, в то время как мистицизм есть ситуация и состояние спонтанного и непосредственного контакта с принципиально *неведомым* ирреальным, сверхреальностью, существующей вне мыслимых материальных реальностей.

Мистик сознательно исключает из технологической цепочки вступления в контакт с трансцендентным свои мысли, эмоции и всевозможные пожелания как раз для того, чтобы гарантированно оградить это чистое переживание от несанкционированного проникновения в него примесей своего “я” или различных фантазий на тему: “Как выглядит Божественное и как бы Ему лучше Себя вести по отношению к нам”. Другими словами, мистик оберегает себя от удобных иллюзий и не ставит условий тому, с чем хочет встретиться.

И в-третьих, парапсихоанализ, страницу назад грубо обругав мысль и эмоцию за то, что они мешают человеку ходить за пределы материи, не только не настаивает на том, что их нужно всячески гнать от себя, но как раз и утверждает, что искомое специфическое состояние

сознания, характеризующееся полным безмыслием и бесстрастностью, есть не что иное, как именно мысль и эмоция, но только уже другого, куда как более высокого уровня.

* * *

Однако, мы немного отвлеклись от нашего разговора о вере. Интересно, а что может думать на сей счет давно спившийся бомж, последние два года ночующий на Павелецком вокзале, с полутора классами образования за плечами и за всю свою жизнь ни разу не вошедший в церковь? Возможно ли назвать его верующим, а если да, то во что и как он верует?

С первого взгляда ясно только одно: этот горький пьяница ни в Бога, ни во что другое не верует. Ему вообще нечем веровать, потому что он – не личность. Ему давно уже стало безразлично все, но, кстати, именно поэтому он вполне может оказаться и не “суеверным” или “испуганным” атеистом. [Парапсихоанализ различает три разновидности материализма: вульгарный, суеверный и чистый. В нашем примере мы отобрали модель чистого или простого атеизма.] Да, он не верует. Но кто ж сказал, что он еще и *не верит*? Однако, во что такой человек верит, если сомнение вызывает даже то, что он вообще спьяну припомнит свое имя? – В то, что $77 \times 37 = 2849$.

– *Помилуйте, да может ли такое быть, когда он, скорее всего, и понятия не имеет о том, что есть перемножение чисел!*

– А кто говорит, что он знает как нужно обращаться с цифрами? Ему вовсе не обязательно знать то, во что он верит. Не верует умом или чувствами, а именно и просто верит. К тому же он не может сомневаться в том, чего, собственно, не знает. Поясним. Если этого забулдыгу хорошенько вымыть и не давать ему пить с утра до вечера, а при этом постоянно рассказывать про цифры и правила умножения, то самое большее через месяц он не только согласится с тем, что $7 \times 7 = 49$, но и, самостоятельно перемножив девятки, вполне может получить в результате 81. Это есть свойство той целостной системы, в рамках которой наш герой даже теперь, а, может быть, никогда так и не начнет себя осознавать, но в которой $2 + 2$ тем не менее всегда равно 4.

О чем это мы? О том, что этот субъект действительно ни во что не верует своим *сознанием*, поскольку такового у него просто нет, и ничем вообще не интересуется. Ничего не знает и ни о чем в своей жизни никогда всерьез не задумывался. Или даже больше того, он возможно в принципе не способен ко всем вышеперечисленным действиям. Но, тем не менее, на клеточном, то есть *бессознательном* уровне, его душа или психическая сущность знает и совершенно согласна с тем, что пребывает внутри мира или глобальной системы координат, где $2 \times 2 = 4$, а $7 \times 7 = 49$, независимо от того, понимает это наш алкоголик умом, думает он о таких вещах или нет.

Главное, что он абсолютно в этом не сомневается, поскольку не знаком с предметом нашего разговора, то есть с вещами, в которых хотя бы теоретически он мог бы усомниться. Тем внутри себя, чем ему не дано сомневаться, он как раз и верит не только в эту самую систему, но (и вот это, пожалуй, самое интересное) также и в Бога Предвечного. Не просто верит, а видит Его непосредственно, без каких бы то ни было искажений или фантазий. Правда... бессознательно! Причем верить он начал отнюдь не со вчерашнего дня, когда ему настрого запретили пить вино и впервые рассказали про таблицу умножения, сделав из него таким образом культурного человека, а задолго до своего рождения. Он верит во все это (в Бога и в 2×2) просто и намертво или, скажем так, сердцем исповедует подобное знание, хотя в реальной жизни ни слова об этих сложных материях не слышал и даже сейчас еще понятия не имеет, что о них, оказывается, можно, а порою даже и нужно задумываться.

* * *

– *Что такое ирреальное?*

– Это то, от чего вчера ты был всего в двух шагах, заявив себе зачем-то, что достиг своего предела.

– *Если я приду туда сегодня и сделаю эти самые два шага, мне удастся войти в ирреальное?*

– Нет. Оно всегда будет оказываться в миллиметре от того места, до которого ты по воле обстоятельств будешь добираться когда-либо.

– *Каким же образом в него входят?*

– В ирреальное вообще не входят. В него возвращаются. Более того, к запредельному можно приблизиться только оставаясь полностью неподвижным и отстранившись в себе от того, что может заявить: “Здесь – мой предел”.

* * *

Впрочем, несмотря на то, что о самой системе в принципе как бы и допустимо отвлеченно размышлять (этим мы сейчас и заняты), усомниться в ее достоинствах или попытаться внести в нее какие-либо конструктивные дополнения, а тем более кардинальные усовершенствования невероятно трудно. Почти невозможно. Дело в том, что система, о которой идет речь, – конструкция особого рода. Она слишком глобальна и многопланова для того, чтобы наш рассудок был в состоянии охватить ее и разглядеть целиком как нечто единое, да еще проделать такое во времени. Кроме всего прочего, это ведь она, а не кто-то другой иницирует, регламентирует и оберегает в пространстве своего поля жизнь пьяницы, нисколько при этом с ним не советуясь. Наше существование и бытие самой Вселенной, к слову сказать, тоже.

Нетрудно догадаться, что подобная система, ну хотя бы из соображений собственной безопасности, не может быть заинтересована в том, чтобы чья-то слепая, инстинктивная, а потому безусловная и безупречная в нее вера когда-либо переродилась в веру осознанную, а значит творческую и несовершенную. Ей совсем не нужны сюрпризы в виде творческих инициатив, рационализации, заботы и помощи от нас, людей, вообще. Система неплохо живет внутри собственных законов и так. Ее не от чего и незачем спасать. Вот почему наша любовь и внимание ей также безразличны. Это нелегко понять, а тем более принять, но уж если удастся, человеку открывается новый смысл его жизни.

О том, что существуют различные миры или системы вроде той, которую мы только что описали, наш алкоголик, конечно же, знать не может и, разумеется, не догадывается о том, что живет по законам одной из них, беспрекословно им во всем подчиняясь, даже *в мелочах и случайностях*. Внутренняя логика этого придуманного нами персонажа, о существовании которой он также не подозревает, никогда не вступает в диспут, а тем более в какое-либо противоречие с Системой. Но – внимание! – глубинно-ментальная конституция этого вконец опустившегося человека, его психическая сущность, сотворенная и перманентно поддерживаемая Системой, в свою очередь поддерживает ее саму, позволяя ей быть. Наш герой живет, не вникая в тонкости этих взаимоотношений, и потому Система существует.

То обстоятельство, что пьющий герой нашего рассказа вообще никогда не задумывается о каких бы то ни было пространственно-временных континуумах и глубинах неведомого ему Космоса внутри его сознания, вовсе не означает, что на уровне – нет,

конечно, не его ума (даже не молекул и атомов, из которых соткано его физическое тело и вещество мозга, а где-то гораздо глубже, вне материи) – он постоянно творит и своей неосознанной и невидимой верой непрерывно поддерживает существование этого мира, с его пространством, временем, а также со всеми прочими атрибутами реальности. То есть Систему. Даже и тогда, когда крепко спит.

* * *

Рано или поздно приходит срок, когда любой человек перестает быть. Однажды, закончив играть роли, содержание которых нам *сейчас* неведомо, мы снимем с себя материю, перейдем в другой мир и вернемся в прежнее состояние, в систему, где времени нет. Наступит пробуждение. И преобразование. Когда-нибудь, разумеется, это ожидает и героя нашего повествования.

Что же тогда станется со всем тем, во что этот горький пьяница, как выясняется, каждое мгновение своей жизни, от первого до последнего вздоха, так просто и вместе с тем так свято и мощно верит? Разрушится ли она с его уходом, а если нет, то каким образом она может позволить себе исчезновение со сцены своего единственного и самого верного ангела-хранителя, да еще навсегда, – ведь для него-то эта система точно обесмыслится и даже прекратится?! Кто тогда будет поддерживать мировой порядок? Ведь по идее, превращение системы, а точнее говоря, ее замещение другой системой, которую он отныне станет всеми силами поддерживать, и является его переходом.

Он уйдет туда, где даже память обо всех предыдущих системах стирается за ненадобностью. Это мы какое-то время еще будем помнить о пьянице, а никак не наоборот. Мы никогда больше с ним не встретимся, поскольку встретиться можно только с тем, с чем расстаешься. А этого как раз и не происходит.

Так что же случится с брошенной системой? – Но почему, собственно, она оказывается брошенной? Разве кроме нашего героя ничто или никто во Вселенной не согласен с тем, что $2 + 2 = 4$? А трава, воздух, камни, солнце и сами люди, наконец! Долгое

время, пока мы живы во всяком случае, нам еще предстоит наблюдать эту картину и не просто наблюдать. Случайно или нет, мы оказались вовлеченными в компании с пьяницей в одну и ту же Систему из предложенного на самом деле их бесчисленного множества. Должно быть это совпадение, но он здесь тоже когда-то родился, вот почему мы только и можем его *сейчас* видеть или говорить о нем.

Оказывается, это мы вместе с ним (помогая ему) в настоящий момент творим одну и ту же реальность. Вот почему она и существует. Лишь когда из этого мира уйдем и мы, он разрушится совсем и перестанет быть, как в свое время исчезнет для пьяницы, только теперь он перестанет быть уже и для нас. Именно этот. Хотя многими наш уход будет совершенно не замечен. Для них Вселенная останется вечной, прекрасной и неразрушимой. Миры не живут незаселенными. Мы же *вернемся* в изначальную систему координат, в которую уже и сегодня верим своей неизменной сущностью. Этого, материального, мира для нас, конечно, уже больше не будет. Никогда.

Воскресение невозможно. Эта милая и сентиментальная утопия придумана слабым и напуганным рассудком для собственного и, скажем откровенно, весьма слабого утешения. Однако, разве возможна смерть того, что никогда не рождалось? Кстати, почему алкоголик был назван ангелом-хранителем, да еще единственным? – Единственным потому, что преобразование, ожидающее любого смертного, – это в основном трансформация его теперешних представлений о том, что такое “мы” и что есть “Я”. И то, и другое когда-нибудь упразднится. Останется лишь Единое бытие. Оно всегда и уже сейчас, конечно, Единое, но пока еще не каждым из нас осознанное и явственно переживаемое. Хранителем же наш алкоголик назван потому, что уклонись он сейчас хоть на секунду от крепкого удержания Вселенной в своих руках, – она взорвется!

* * *

В самом деле, разве электроны атомов, из которых слеплено тело беспробудного пропойцы, своим непрерывным вращением вокруг протонных ядер, организованностью и феноменальным постоянством скорости движения по внешней орбите не дают нам понять, до какой степени, насколько глубоко все они верят в систему, которая, собственно, задает и поддерживает их движение? Что значит вера атомов? – То, что их существование в качестве, в котором они пребывают сейчас, практически и возможно только в реальности, в которой они в настоящий момент *уже* находятся. Не их осознание происходящего, своей роли в тех или иных процессах и всего прочего (им просто не дана такая возможность), а та творящая сила, воля к жизни, присущая им от природы и побуждающая к движению, которую, оказывается, и

можно только назвать верой. Вера не нуждается в осознании чего-либо. Это живое свойство или суть камней, космического ветра, жука или человека. *Осознание* механизмов верования безусловно может иметь место (или, скажем так: желательно – коль скоро оно возможно), но, однако, повторимся, не является обязательным, а уж тем более условием возникновения веры, поскольку *моя* вера (суть) всегда и во всем проявляет себя вовсе не замечая моих стараний. В кипении расплавленного металла, например...

Измени произвольно какой-нибудь электрон хотя бы одно из своих свойств (скорость вращения, например) и этим он сотворит совершенно новую систему координат (реальность), в которой будут другая структура пространства, времени и материи. Однако, в ней подобная мутация сразу же явится не просто чем-то нормальным и обыденным, но и даже всеобщим законом. Более того, вдруг непременно выяснится, что и все остальные бесчисленные электроны вещества новой Вселенной движутся точно с такой же угловой скоростью и проделывают это не какие-нибудь последние полчаса, а всегда, вечно. Он сам (электрон), только что произвольно изменивший характеристику своего движения, угодил сюда вовсе не минуту назад, как думает сам, а был здесь всегда. Это невероятно, но его все почему-то отлично помнят, рассказывают различные истории из его детства, вспоминают общих друзей и т. п.

Если бы электрон обладал человеческой способностью думать или вспоминать, то, по идее, он должен был бы нам рассказать, что только что, буквально *несколько минут назад* сотворил совершенно новую реальность, а старая еще очевидно продолжает где-то быть, хоть он и разрушил (или трансформировал) в ней себя. Его и правда в прежней реальности может уже не быть. Но отнюдь не эта мысль собьет электрон с ног. Вот какой сюрприз ожидает его *рассудок*, проникший мыслью в новую систему отсчета: вполне возможно, что его никогда и не было-то в прежней реальности, потому что там его уже никто не помнит. Или наоборот, что он благополучно продолжает жить в той – первой, но одновременно уже общается сейчас с кем-то и здесь, во второй, а есть еще третья, четвертая и так далее до бесконечности, где его также хорошо знают. Здравуются и спрашивают про здоровье детей. И везде он есть. Все зависит от угла зрения, который он изберет, чтобы наблюдать за собой и своими свойствами, которые каждое мгновение будут меняться с поразительной амплитудой многообразия и вероятностей.

В каждое мгновение самонаблюдения электрон превращает самого себя и свои свойства, любому из которых соответствует некая новая реальность или система координат в качестве среды, единственно в которой они, эти свойства, и могут только проявиться. Кому-то может показаться, что парапсихоанализ под верой понимает не творческое и в высшей степени сладкое, даже волшебное чувство, которое можно описать как вдохновенный полет души или созидание, а некую скучную рефлексивность ума, то есть обращенное назад самонаблюдение (вспомните скальпель, который мы узнаем по следам его работы...). И он нисколько не ошибется, ибо так оно и есть. Созидание – правда, но не мной, не моим рассудком, а моей верой, которая живет во мне сама по себе и творит реальность, верой, механизмы которой я все еще полностью не осознаю.

* * *

– Что такое молитва? Это наши просьбы, которые мы сейчас обращаем к Господу?

– Ничего подобного. Это то, что мы можем видеть вокруг себя как нечто уже реализованное в ответ на наши позавчерашние мысли, причем преимущественно как раз те мысли, которые мы в себе даже не подозреваем.

Вот еще вопрос: а зачем вообще понадобилось притягивать за уши какого-то безмозглого спившегося мужика и бездушные атомы к разговору о святом таинстве творчества или превращении реальности? Каким образом электрон или пьяница могут что-либо творить, когда все помыслы одного сосредоточены исключительно на бутылке, а другой по природе своей мыслей или желаний не имеет вообще?! Им обоим и творить-то, если разобраться, незачем и нечем.

Если только верой или творчеством не назвать пьяный бред, эти безумные фантазии и прозрения алкоголика, которого однажды вдруг понесет и он станет утверждать, будто бы у него сегодня душа возвеселилась вовсе не потому, что вчера откуда-то с неба ему на голову упали деньги и дела, наконец, пошли на лад, а что сами *вчерашние перемены только потому с ним и произошли, что сегодня ему от этого сделалось хорошо*. Ум заходит за разум, не абсурд ли все это? Разве должен серьезный и трезвый человек вникать в этот сумасшедший маразм, или может быть эта книга написана в жанре патопсихологической фантастики?

– Ни атом, ни другой герой нашей придуманной истории по разным и вполне понятным причинам не смогут, конечно, ничего подобного почувствовать, а тем более пересказать. У них обоих для этого слишком скудное мировоззрение или воображение. А жаль. Ведь именно сознательно изменяемое мироощущение, способное наблюдать все что угодно под различными (а не одним только) углами зрения и рождающее поэтому в каждый миг свежее видение предметов или переживание совершенно новых систем бытия, парапсихоанализ как раз и называет творчеством, условием подмены реальности, а главное, механизмом совершенствования веры и, наконец, собственно верой. Более того, ничто другое этим словом он никогда не назовет. В том, *как* пьяница или атом бессознательно *верят* в Бога, о существовании которого даже не подозревают и не собираются начать об этом размышлять, и своей верой (пусть неосознанной) *творят* реальность мироздания, парапсихоанализ усматривает эталон верования и рекомендует рассматривать его в качестве образца для исследования и подражания. Заметьте, эти простые сущности ничего не осознают, потому как нечем, но при этом верят, хоть и не умом. И получается...

Что нам грозит, если эти двое (электрон и пьяница) захотят по-быстрому обмозговать, как это у них получается – *верить не задумываясь*, чтобы научиться этим процессом управлять себе на пользу? Это ведь не просто интересно, но и весьма выгодно. Произойдет катастрофа. Впрочем, можно особенно не беспокоиться. Даже если они вдруг оба действительно начнут интенсивно и “как надо” соображать, их мозги очень скоро от этой работы перегорят, и они остановятся. Вспомните историю с сороконожкой. На самом деле прежде еще нужно научиться думать. И не просто думать, а мыслить, причем не головой, не жадностью и вообще не мыслями. Какие мысли могут быть у атомов или деревьев? А ведь учиться верить приходится именно у них. Для изучения механизмов и эзотерических законов верования, когда мы станем способными вносить поправки в то, что произошло вчера или случится завтра путем изменения обычного хода своих мыслей или настроения сейчас, собственно и сформулирован парапсихоанализ. Мы говорим о методе отождествления себя с вечным, о погружении сознания в мистическое и пробуждении...

* * *

Письмена... Осколки...
 ...стыдно вспоминать...
 ...бездарно растратил время...
 ...упустил темп...
 ...познание замедлилось...
 ...слишком много ошибок...
 ...теперь не догнать...
 ...пришел в Храм...
 ...и там...
 ...позволил себя зомбировать...
 ...зачем...
 ...в толпе...
 ...как легко...
 ...мечтать и говорить обеты...

...сладко спать...
...бесплатно...
...мы все так похожи...
...одни и те же слова...
...снова и снова...
...наркотик, продлевающий сон Духа...
...электорат...
...рабы...
...даже не политика...
...просто бизнес...
...придуманное умом...
...полезный костыль для ведомых...
...в стаде...
...безногих дураков...
...к счастью и знанию...
...развлечение слабоумных...
...познание чего...
...без прозрения...
...короткий поводок...
...перестать искать и слушать учителей...
...остановился...
...наконец...
...шаг в сторону...
...из себя...
...долго гнал бесов...
...мысли и сны...
...чистый экран...
...во мне теперь только чужое...
...стало проще...
...безграничное поле информации...
...будущее и прошлое...
...все в настоящем...
...настройка мировоззрения...
...инструменты всегда где-то рядом...
...нужно поискать...
...уже под руками...
...нет двух человек...
...не бывает многих...
...люди – просто слово...
...человечество – лишь идея...
...на зеркале...
...нарисованное...
...много разных лиц...
...человек один...
...я одинок...
...совсем разучился читать и помнить...
...разве нужно знать...
...больше чем Все...
...зачем...

...головой уткнулся в небо...
...как можно ходить дальше возможного...
...сложно изобрести мотив...
...сосредоточиться...
...мешает ум...
...инстинкт самосохранения...
...это жизнь...
...идти дальше...
...выше неба...
...заканчивается многое...
...представления о любви...
...камни преткновения...
...фантазии ума...
...о себе и о Боге...
...все придумано...
...сладкие утопии спящих слепцов...
...на небо взявшись за руки...
...эволюция Духа и любви,
...невозможна вдвоем...
...в толпе не бывает человеков...
...запредельное стерильно...
...ключи к познанию...
...через технологии одиночества...
...общение с Духом...
...возможно в тишине...
...возвращение к себе...
...мера искренности...
* * *
...благодарение лени...
...уклонение от истовости и распутства...
...мешает осуетиться...
...всегда...
...сопровождает гениальность...
...распущенность...
...часто смешиваем...
...неразборчивость...
...неопытность порождает тревогу...
...бойся страха...
...размышление свидетельствует...
...выключение сознания...
...активность рассудка...
...снова сон...
...раздражение и воспоминания...
...обиды еще разрушительнее, чем глупость...
...как запретить ветру...
...успокоить грозу...
...вспомнить...
...во мне...
...еще ближе...

...все вокруг – я...
...понять...
...как легко...
...почувствовать и пережить...
...остановившись...
...без движений...
...лениво...
...прогнать мысль...
...подменить другой...
...эту потом тоже...
...мысли и болезни...
...своих ни у кого нет...
...вчера лечил от смерти дерево...
...загораживает окна...
...собирались срубить...
...забыли...
...другие дела...
...слава Богу...

Болевые пороги. Инстинкт

Одна из конкретных задач парапсихоанализа заключается в том, чтобы помочь распознать *природную* способность и даже скрытую цель психики *естественно* приводить наш рассудок в состояние непосредственного общения с нематериальным или трансцендентным (в словаре это понятие расшифровывается как непостижимое и запредельное), с тем, что больше известно как мир Духовного, а главное, научиться таковой ее способностью осознанно управлять.

Это большое предложение встречалось, вспомним, в одной из первых глав книги. Зачем понадобилось опять к нему возвращаться? Может быть мы тогда впопыхах проскочили мимо чего-то важного, на что стоило бы обратить самое пристальное внимание? – Да, конечно, – на те два слова, что обведены курсивом, ибо новое *содержание* (энергию), которое они в себе с этого момента понесут (заметьте, даже если таковое мы сейчас просто назначим, а может быть и именно потому), определит в дальнейшем характер и степень нашего проникновения в суть или пространства, пожалуй, уже не только этой фразы... Наши ментальные предпочтения исподволь настраиваются и обучают потом рассудок различать и запоминать обратную дорогу из стеклянных лабиринтов ирреального... только в том случае, когда мы сами их специальным образом настраиваем заранее... Желательно всегда иметь под рукой (уметь быстро приготовить) несколько вариантов прочтения любого текста (ситуации), чтобы изменять общий смысл (происходящее), перевернув для этого значение лишь одного какого-нибудь слова (символа)... Путаница, всевозможные патовые ситуации или даже опасные болезни на пути обычно подстерегают не новичка, – внимательного к приметам, но неразборчивого в желаниях хамелеона, – а потерявший эластичность слишком взрослый ум, которому, оказывается, всегда есть, что терять...

– Что значит “природная способность и задача психики”? Следует ли понимать, что психика есть некий мост, связывающий человека смертного с его вневременной трансцендентной сущностью? Обязана ли психика сделать доступным для живого человека общение с его истинным Я? В форме диалога, например, и задолго до его непременно возвращения в прежнее качество – вечное бытие? Насколько вообще естественно для людей общение или даже просто стремление к общению с ирреальным, то есть Духовным? (Напоминаем, в парапсихоанализе эти понятия – почти синонимы и потому нередко соседствуют, а то и подменяют друг друга.) Итак, нормально ли для интеллектуала-прагматика устремление к Божественному? Не противоестественно и не опасно ли оно?!...

– Вопрос сложный и прежде, чем отвечать на него, необходимо отметить, что он задается отнюдь не из праздного любопытства. В поисках ответов непростых зачастую обнаруживается, что доверчиво внимать советам сердца и готовым рассудочным рецептам (целый ворох которых нам бесплатно вручается воспитанием, традициями и менталитетом общества, в котором случилось родиться) неразумно. Их очевидность, равно как и безотказность, далеко не бесспорна. Что же касается вопросов связи земного человека с его трансцендентными корнями, здесь нужно быть предельно осторожными, поскольку это уже не просто сложные, но и опасные материи, закрытые для входа многим. Все ответы в столь *тонкой* области добываются способами нестандартными, куда более изощренными и затратными, чем это может показаться на первый взгляд, причем добываются они исключительно собственными усилиями или умом, хотя впрочем нет, не умом – опытом.

* * *

Только еще подступая к теме “материя и духовное”, мы неизбежно сталкиваемся со странным парадоксом. Оказывается, звать на помощь ум для плавания в глубоких и холодных водах эзотерики либо незачем *уже*, либо рано *еще*. Сомнения нет в одном: присутствие *того*

ума, с которым мы постоянно имеем дело в обычной жизни, в зоне ирреального неуместно и совершенно недопустимо. Мы вообще не можем выйти за ворота материального, если он засел в нас или о чем-нибудь тайком размышляет где-то поблизости. Сам факт, что, родившись внутри материи, ум в принципе не различает ничего, кроме нее (материи), еще не так страшен. Но ведь он же нам об этом зачем-то постоянно напоминает! Ум решительно не умеет что-либо забывать, а вот это уже *наша* подлинная трагедия.

Вхождение в ирреальное, да, собственно, и само ирреальное есть лишь ситуация ознакомления с правилами игры, написанными почему-то всегда мелким шрифтом. Припоминание основных законов игры, в которую мы и так уже играем от рождения. И только. Некоторая перестановка акцентов внимания и приоритетов, не более того. Кстати сказать, почти все эти правила известны наперед (или могут быть известны) любому из нас, ведь они на виду. Однако когда мы решаем включить их в систему собственной игры, такая инициатива каждый раз производит в нас огромные психические трансформации. Странно, не правда ли? Должно быть, мы все-таки не очень хорошо соображаем, с чем имеем дело.

Проблема здесь вот в чем. Для того, чтобы с *правилами* мы могли спокойно ознакомиться и, не горячась, сделать свой выбор, нужно, по крайней мере, их внимательно изучить. Или молча выслушать. Необученный же вниманию ум редко когда молчит и уж подавно никого не слушает. Как правило, он громко разговаривает сам с собой (даже во сне), словно радио на кухне, которое почему-то забыли выключить, уехав в отпуск на юг.

Здесь мы встречаемся со скрытым парадоксом. Обойтись без рассудка вовсе, то есть прогнать его от себя (технологии чего уже подробно разработаны и настоятельно рекомендованы к массовому пользованию многими эзотерическими школами), погружаясь в *безумие* Духовного, вроде бы желательно, но во-первых, это как-то страшно, а во-вторых, если хорошенько разобраться, совершенно невозможно. Кто-то ведь должен оставаться полностью в сознании, чтобы постоянно следить за логикой наших шагов (инициативных перемещений) в зоне иррационального, потому как без соблюдения такой меры предосторожности моментально прольется наша кровь и в воздухе запахнет откровенным сумасшествием. А что же еще, кроме нашего рассудка, в состоянии осуществить такой контроль? Вот почему необходимо определиться как можно точнее, что такое ум, какова его природа и роль в мистических переходах, а также во что он сам должен трансформироваться на пути в иррациональное, чтобы войти действительно в Духовное, рассмотреть и запомнить из увиденного побольше, а затем еще и показать нам обратную дорогу. Вернуться оттуда нужно непременно живыми и здоровыми. Мы ведь с этого начинаем.

Во время погружения в состояние особой ментально-психической концентрации, позволяющей переживать трансцендентное непосредственно *чувствами*, то есть видеть и пребывать в нем (и даже прежде того!), мы должны четко сформулировать, обосновать, потом научиться через голову надевать на себя и какое-то время *уже* носить (исповедовать) идеологию целесообразности общения (диалога) с Духовным или познания иррационального нашим прагматичным умом. Причем не просто целесообразности, а насущной необходимости или спонтанной потребности нашей психической сущности в преодолении ею границ материального, чтобы она могла свободно и естественно эволюционировать.

Если мы этого над собой не сделаем и ростки новых мировоззрений не начнут прорастать на дрожжах нами же *придуманных* экстремальных идеологий, все пожелания себе прикоснуться к Духовному выльются в красивые, но бессмысленные слова, вы-

цветшие фантазии и культурный досуг уставших от жизни импотентов. Никаких переходов в качественно измененные состояния сознания не случится, если им не приготовить соответствующие (надлежащие) предпосылки.

* * *

Уже стало очевидным, что предмет нашего разговора составляет искусство произвольного или, скажем так, осознанного творения глубинных идеологий, которые единственно и служат причинами или заряжающими мотивами, побуждающими нас к принятию и претворению в жизнь каких-либо активных решений. Идеология, нужно ясно это понимать, отнюдь не есть изложенная словами на листках бумаги сухая теория, подробная характеристика или описание чьего-нибудь мировоззрения. Любая остро *переживаемая*, пусть даже весьма отвлеченная (абстрактная) идея однажды становится вполне конкретным чувством, сегментом (составляющей) психики и ее новым состоянием, чем-то весьма живым. Мы можем даже сказать – квинтэссенцией духовной работы индивидуума или собственно духовной практикой. Именно идеология определяет тенденции изменения уровней сознания (его расширение или сужение), а также намечает высшую точку ментального развития личности, обозначая предел ее эволюции или психический статус, на самом деле ограниченный исключительно лишь рамками ее мировоззрения.

Четкого формулирования сути какой-либо принципиально новой программы, просто лаконично высказанной одним человеком новаторской концепции (например, антиидеи кредо) или добавления какого-нибудь простого компонента, незначительно усложняющего конфигурацию общеизвестного символа веры, зачастую бывает вполне достаточным для быстрого формирования неведомой или *невидимой* идеологии и более того, *распространения* ее невероятно мощного воздействия на сознание целых групп людей. Этому обычно есть две причины. Во-первых, зарождающаяся идеология может обладать не только набором уже знакомых (традиционных и очевидных) характеристик, но и весьма внушительным списком подводных, малоизученных и весьма специфичных метафизических свойств. (Порою, кстати сказать, весьма опасных, она ведь может вовсе не рассматривать жизнь человечества в качестве ценности номер один.)

А во-вторых, идеология, словно живое существо, не просто в состоянии всегда подстраивать себя к переживаемой нами *здесь и сейчас* реальности (что она умеет это делать, нам как бы уже давно известно из материализма), а совсем наоборот (в случае, если мы действительно хотим приблизиться к постижению законов духовного, нам неизбежно придется научиться смотреть на вещи с подобной точки зрения) – именно она подстраивает происходящие события и все обстоятельства наблюдаемой нами сейчас реальности под свои, *еще* неведомые нам, интересы. Мистицизм проникает в нас и по сути даже начинается с осознания того, что не для нас, живых людей, но для самореализации некоей внешней идеологии созревают и сменяются эпохи, создаются и трансформируются реальности, населенные постоянно эволюционирующими существами.

Как правило, любая идеология спонтанно создает для себя особую среду обитания, Систему или *собственный мир* (творение виртуальной реальности), провоцируя (или санкционируя) тем самым зарождение событийных ситуаций, способствующих ее проявлению. По крайней мере и все ныне известные широко распространенные духовные доктрины об этом красноречиво свидетельствуют. Идеология способна жить во времени вполне самостоятельной жизнью, вообще и запросто обходясь без своего номинального (или формального) *автора*, если разуметь под последним человека, которому удалось *что-то* расслышать и записать. Идеологиям в принципе не требуются адепты (защитники и проводники), инициативность физических субъектов и уж подавно их мозги, поскольку любая из них всегда зарождается и развивается свою мистерию отнюдь не в пространстве человеческого *ума*. Да и не во времени тоже. Такова позиция, искусственно или специально *допускаемая* парапсихоанализом. Особый вирус, разлагающий прагматизм. Или технология расщепления...

Идеология или религия, а в контексте рассматриваемого вопроса их можно воспринимать буквально как одно и то же, по сути есть некая информация, интеллектуальная микрофлора или ноовирус, особый и невидимый культурный слой, напыляемый на заселен-

ные людьми геополитические пространства. Аудитория той или иной идеологии исчисляется поэтому не количеством сагитированных и вовлеченных в нее людей, внимательно штудирующих книги ее “авторов” и решающих, надевать ее на себя, рекомендовать то же самое проделать кому-нибудь еще или нет, а зонами ее принудительного потребления, территориями и ареалами.

Факт зарождения и распространения идеологии определяется не умонастроением индивидуумов, а временем, соответствием ей уровня общественного сознания, характера менталитета, социальных, экономических и прочих условий ее выживания (действия), но никак не внутренними достоинствами самой идеологии, поскольку ни одна из них таковыми не обладает по определению. Идеология не может быть хорошей или плохой. Что предосудительного мы найдем в том, что металл, разогревшись до очень большой температуры, вдруг расплавится? Вот если бы это я научился кипятить в тигле серебро, смешивать его с ртутью или сурьмой, разливать в форму и получать... впрочем и тогда я лишь продолжил бы исповедание идеологии плавления металлов. Сознательно или бессознательно. Данную мне от рождения. Только и всего. Идеология – это рефлексия и фиксация достигнутого необязательно нами очередного уровня рассматривания свойств вещей. Так можем думать мы, люди. А можем и не думать. Ей, идеологии, это – все равно. Она уже и так работает. С нами.

Сформулировать идею религии без труда может и один человек, хотя, как правило, такими вещами занимаются целые кланы единомышленников (единоверцев-реформаторов). Однако истинными родителями идеологий всегда оказываются не люди вовсе и не их субъективные интересы и соображения, а непосредственно сами *качественно переходные этапы* развития цивилизаций. При этом сотни миллионов адептов новых вероучений послушно бредут за своими собственными идеологиями и всеми силами души их поддерживают, не подозревая о существовании в себе таковых.

Очень часто бывает так, что человек горячо убеждает себя в том, будто корни его религиозного чувства лежат в христианстве. Он настойчиво уверяет в этом себя и окружающих, аккуратно посещает церковь, внимательно изучая соответствующую литературу и в строго определенные моменты регулярно отправляет предписанные культовые обряды. Ему очень *хочется верить* в красивые слова библейского сюжета и занять себя какой-нибудь добропорядочной игрой. Однако ж он, прагматик, на деле просто не способен, не знает как убедить свой ум поверить в предание, а посему бесконечно далек не только от православия, но и от всех прочих религий, требующих беспрекословной веры, и по-настоящему исповедует один лишь психоанализ, хоть и не прочел за свою жизнь ни одной книги Фрейда, Адлера или Юнга. А то и вовсе не слышал о таком учении. Никто в этой жизни не может обойтись без религии, пусть на худой конец даже атеистической *идеологии* материализма. Неразборчивость – страшна.

* * *

Никакой необходимости знакомиться с учением для того, чтобы его исповедовать, нет. Прагматик вместе с именем от рождения всегда получает и свою религию. Психоанализ – это исходная база мировоззрения прагматизма XX–XXI веков. В наши дни все мы, в том числе, как это ни странно, и мистики, в своей ментальности – естественные прагматики, поскольку других моделей самоосознания цивилизация сегодня просто еще не предложила. Общество незаметно навязывает нам или, скажем помягче, исподволь прививает своим гражданам элементарное изначальное мировоззрение прагматизма, отказаться или преодолеть которое может только тот, кому есть за чем это делать, другими словами, тот, кто задался целями, автоматически требующими от него формирования психической и ментальной конституции другого порядка. Например, идеологии индивидуума, которая синтезирует для себя более совершенное мировоззрение и новое пространство для самореализации. Именно индивидуум сегодня способен научиться надевать на себя любую, в том числе и примитивную идеологию, точно

пальто, а потом быстро и легко сбрасывать ее с плеч, когда на ходу приходится перестраивать психический аппарат для выполнения других, более сложных поручений.

Настраиваемое логикой ума мировоззрение всегда бумерангом оказывает энергичное воздействие на само сознание. Новые мироощущения предопределяют, создают необходимые условия и даже провоцируют его качественное превращение. Изменяются не только критерии в оценках происходящего, но и углы зрения на многие вещи, к примеру, на себя. Если уровень сознания повышается, то в первую очередь это выражается в том, что мы получаем возможность сорвать с себя наконец шоры неумеренно распространившегося представления (нелепого предрассудка, катастрофически ограничивающего нашу свободу и власть творить новые реальности), будто незнакомец, – всякий раз смотрящий на нас из зеркала, когда мы проходим мимо и который все время что-то бормочет себе под нос, смекает, планирует и суетится, – единственно и есть повод, форма и смысл нашего бытия...

Становящееся чужим, существо из зеркала *на время* отпускает нас, переставая ассоциировать (смешивать) себя с нашей внутренней психической сущностью, нашим подлинным *Я*. В такие минуты мы становимся безразличными по отношению к своему помятому костюму, высвобождая себе этим огромное пространство для наблюдения Игры и маневра. Понятно, что в такие моменты роль ума, до того беспрестанно складывавшего из копошащихся в нем мыслей всевозможные карточные домики, существенно меняется и приобретает иной характер. Рассудок становится инструментом и поводырем. Светофором и дорожным указателем разумного передвижения в агрессивных средах ирреального.

* * *

Ни в коем случае не следует избавляться от страха волевым усилием. Страх необходимо беречь и культивировать в себе, храня как драгоценность во внутреннем кармане. С ним нужно работать. Если мы не осуществили полное разделение своего психического на материальное и духовное, но при этом уже перестали испытывать страх, значит дела наши плохи и нужно возвращаться. Это – болезнь.

Может показаться, что в описываемых в этой книге моделях превращения сознания значение и роль ума искусственно девальвированы, поскольку в новых состояниях мы начинаем мыслить уже собственно не самим мозгом, а некоей субстанцией, которая *вечно* пребывает вне нас и даже вне материи вообще. Однако тут нужно заметить, что мозг, а точнее проходящие через него мысли или обыкновенное умствование и собственно ум, есть разные вещи. Поднявшееся на ступень выше сознание уже начинает мыслить переживаниями, особенными состояниями духа, и суть процессов осознания чего-либо отныне выражается (отражается) не в мыслях, словах или образах, а непосредственно в вещах (явлениях), то есть в конкретных результатах, в изменении реальности (ее событийного ряда), в самом факте достижения крайней степени покоя и сосредоточенности, наблюдении *свечения* и прорастании живой в нас *идеи*.

Внезапные включения ума, его неуместная активность в одной из прежних форм, вспыхивающая в голове близкого к разделению индивидуума, однозначно являет собой знак или симптом, указывающий на резкое (болезненное) понижение уровня его сознания, связанное с непроработкой отдельных деталей восхождения, поскольку главная и чуть ли не единственная функция ума в такие моменты – это отслеживание поступающей извне информации и контроль за соблюдением *разумной последовательности наших шагов*, а вовсе не мышление как таковое. (Хотя именно этот добровольный и *осознанный* отказ ума от размышления уже и может только явиться следствием мышления, но мышления новой и, разумеется, более высокой ступени.) Трудно сравнивать, а тем более называть одним именем – мышлением – вещи (явления) столь разные! Когда, к примеру, включаешь на кухне телевизор и видишь в нем какого-нибудь изворачивающегося вора или политика, произносящего одни лишь слова и даже думающего словами, и с другой стороны, когда однажды удастся наблюдать во времени процесс медитации

человека, способного произвольно и легко изменять уровни своего сознания, а заодно и саму реальность. Или пчелу, сажающуюся на цветок. Вот он – образец.

Нам еще только предстоит научить свой ум внимательно и спокойно отслеживать из потока наблюдаемых им событий и информации содержащиеся во всем невидимые ответы на незадаанные вопросы и тут же доводить их до нашего ведома, ничего не придумывая от себя. Ум, настроенный на общение с ирреальным, должен быть готов и достаточно мужественен, чтобы верно прочитывать любое сообщение, будь то внезапная боль в спине, успех в делах, потеря перчаток в метро или остановка лифта между этажами как специально подаваемый в понятной ему (доступной) форме знак. Такие знаки есть не что иное, как адресуемые персонально нам послания, четкие инструкции поведения в ситуации, в которой мы уже находимся или которая нас ожидает в скором будущем. Случайностей и совпадений не бывает. Никогда. Ценность советов из случайного – в их непостижимой оптимальности.

Исходя из сказанного выше, мы можем заключить, что почти весь круг обязанностей ума сводится к выявлению ответов *уже* некогда приготовленных, причем не им, не умом, на вопросы, которые опять же не он задал. Но главное, а может быть и самое трудное, это то, что именно рассудок, для того, чтобы мы когда-нибудь вошли в зону иррационального, прежде должен привести сам себя в состояние особой сосредоточенности. А для этого он обязан точно узнать как это делается (что совсем непросто, ведь сосредоточенность есть внимание к тому, чего ему до сих пор не приходилось видеть), а также крепко усвоить, что есть разумное в неразумном и запомнить последовательность шагов.

Заставить рассудок выполнять такие вещи совсем нетрудно, он все же – ум и в состоянии проанализировать не только механизмы ходьбы, но и прямые выгоды от вхождения в новое психическое пространство. Здесь однако потребуется некоторое время и тренировка, чтобы воспитать в нем соответствующие привычки, поскольку, во-первых, функции ума в действительности внезапно и сильно изменятся, они усложнятся, а во-вторых, все эти вещи он должен будет научиться различать исключительно в нашей спонтанности, то есть в произвольности естественных реакций на приключаются с нами или вокруг нас случайное. И в самих случайностях. Его задача не думать, а только наблюдать и регистрировать увиденное, поскольку все, что он должен знать – правила игры – он уже и так знает, ведь их, равно как и сам ум выдумал Некто Единый.

* * *

Театр... (продолжение)

Режиссер спектакля – превосходный психолог. Он прекрасно знает как нужно работать даже с очень ленивыми актерами, чтобы добиваться от них желаемого результата. И понимает, что талант исполнителя легче и быстрее обнаружить даже в том, в чем его никто не ожидает увидеть, а кроме того, его можно значительно полнее раскрыть, если актера не муштровать, заставляя словно школьника зубрить незнакомые слова, а позволить ему жить на сцене, как у себя дома, оставаясь как бы в собственной шкуре. Другими словами, актеру нужно помогать играть самого себя, причем делать это нужно все время. И вот режиссер Пьесы никого из приглашенных им на работу в свой Театр не стал натаскивать. Должно быть, *нечаянно* он забыл рассказать кому, как и куда нужно по сцене ходить и кого при этом изображать.

Он вообще скрыл от артистов, что для постановки этой Пьесы им некогда был написан сценарий, по которому действие уже давно идет в заданном направлении и дальше будет вечно развиваться, ни на шаг не отступая от текста. Вместо этого он позволил всем, кто в тот момент оказался на сцене, импровизировать на любые темы, свободно зарождающиеся в головах и все диалоги составлять самим. Так же интереснее! Персонально каждому участнику спектакля было чуть ли не вменено в обязанность вести себя на сцене как можно раскованнее, ничего и никого не стесняясь. Одним словом, когда-то нам было разрешено делать все, что душе угодно,

будто бы нет здесь никакого Театра, света юпитеров и декораций, а также наших ролей и суфлера, масок и грима.

Сработало? – Еще как! Иллюзия не просто подлинности, а даже спонтанности всего, что происходит на сцене, кажущаяся натуральность декораций, изготовленных на самом деле из синтетических материалов и поддельный воздух (он вырабатывается в подвале из дыхания иллюзий наших снов и подается сюда, на сцену, по трубам), ну а с другой стороны завораживающая тишина зрительного зала, которого к тому же еще и не видно, и, наконец, ничем не стесняемая свобода – все это сыграло злую шутку со всеми, кто оказался на сцене.

Обман заставил нас уже с первой репетиции так вжиться в свои роли, что мы скоро позабыли обо всем на свете. О том, что недавно и на время были званы на работу, что все мы просто актеры и сейчас играем на сцене. Что молчаливая и невидимая публика купила билеты и внимательно наблюдает за представлением даже тогда, когда мы крепко спим, и не хлопает в ладоши как раз потому, что не хочет разрушить магию этой чудесной мистерии.

Игрушечная свобода волшебного Театра, которой, оказывается, легко можно провести любого из нас, очаровывает и пьянит так сильно, что в ее колдовском вихре не просто кажется, а уже не в шутку разыгрывается взаправдашняя жизнь: поднимаются сильные ветры, на море вздымаются огромные волны, вулканы извергают горы пепла и огня, а звери с рычанием бегают по лесу. Мы, люди, всерьез принимаемся строить дома и летаем в далекие страны. Стреляем из ружей по своим врагам, пьем красное испанское вино и ходим в оперу. Всем сердцем любим своих близких, воспитываем детей и однажды умираем на самом деле.

Зрительного зала, надо полагать, ни пули, ни самолеты, а может быть даже и наши реплики, так же как пустые бутылки из-под шампанского или наша страсть, не достигают, поскольку все это – бутафория. Зрители в любом случае пришли смотреть на другое. Но *для нас* на этой сцене все выглядит в высшей степени правдоподобно и представляется чем-то очень важным. Именно поэтому мы с головой уходим в игру и однажды начинаем-таки получать от всего этого удовольствие. Увы, нам отсюда очень трудно понять, что купившие билеты и потому сидящие сейчас в партере серьезные зрители тоже во что-то играют, но только их развлечение куда занятнее нашего, хотя бы уже потому, что играют они нами...

* * *

Актеры в нашем Театре – настоящие профессионалы. Мало того, что они великолепно двигаются по сцене, но и, что встретишь крайне редко, *почти никогда* не путаются в тексте. Как написано, так свои слова и говорят, ничего не пропуская и не добавляя от себя. Ни единого слова. Вот почему действие Пьесы идет гладко, без каких бы то ни было заминок и повторов. Обнаружилось, что никакой надобности в репетициях вообще нет – все и так отлично получается. Артисты вовремя появляются в тех местах, где им и положено появиться, а реплики свои произносят исключительно с тем настроением, какое требуется по сценарию. Если, в частности, написано, что в ближайшую среду вечером на сцене появится актер из недавно приглашенных и прочтет монолог о том, что где-то на свете, как ему вдруг открылось, существует Театр, в котором труппа изображает жизнь и все его артисты так увлеклись, что, похоже, уже сошли с ума (они все воплотились в свои маски и поселились прямо на сцене, живут и играют там уже много дней, забыв про дом и себя настоящих), то такой артист в назначенное ему время действительно из-за кулис выходит и весь этот текст не запнувшись произносит. Наизусть и без единой ошибки!

Потом он также смело идет к месту, которое театральный художник еще в среду утром специально для него пометил белым мелом как “край сцены” (это где-то неподалеку от “зрительного зала”) и, показывая куда-то перед собой, будто что-то там увидел, приятно волнуясь и раскачиваясь, продолжает говорить, что, мол, сам он и всё, что его окружает, – разные птицы, деревья и другие люди (красиво проводит рукой вокруг себя) – лишь актеры в волшебном Театре марионеток. А из темной ложи – продолжает он свой интригующий монолог – за пред-

ставлением наблюдает невидимый автор и, поскольку он является одновременно режиссером и хозяином этого Театра, уверенно руководит оттуда всем происходящим на сцене. Дергает за веревочки, и куклы приходят в движение. Некоторые из них даже начинают говорить. Жаль только, что почти никому, кроме, разумеется, режиссера неизвестно, про что и зачем была написана Пьеса и что случится со всеми этими куклами чуть позже...

На этой фразе актеры, изображающие зрителей, прерывают дебютанта искренними и громкими аплодисментами. Артист долго раскланивается и уходит весьма довольный собой. На смену ему выходит другой, потом третий и так без конца. Все они произносят разные слова, из роли, конечно, и без запинок. На одном дыхании. Удивительно, но никто и никогда в этом странном Театре не ошибается в тексте. И не произносит речей, которых нет в сценарии. Даже спяну или случайно. Никто здесь почему-то не рождает своих мыслей. Попавший в Театр обречен стать актером... Кроме разве что осветителей сцены... Но ведь что поразительно – автора, равно как и сценарий его гениального шедевра никто из артистов не видел!.. Только осветители... Господи, да кто они такие?! Оказывается, их тоже никто не видел... Свет на сцене есть, а кто его зажигает – непонятно...

Продолжение следует.

* * *

Невозможно рассеять страх, не постигнув природу Вселенной.

Эпикур

Думается, незачем говорить о том, что контакт с Духовным “технически” может произойти в поле психического, хоть и с помощью инструментов ментально-рассудочной деятельности, изначально материальных по своему назначению (то есть соответствующих задачам, которые с их помощью решаются). Это и так ясно. Однако научиться различать, где заканчивается ум и начинается психическое, нелегко. В отличие от ума, психика уже готова к осуществлению контактов с ирреальным хотя бы потому, что ее природа – трансцендентна. Но главное, психика открывает человеку новые горизонты информативного узнавания, позволяя ему этот процесс ему не только отстраненно наблюдать, погружаясь в глубокие абстракции, но и непосредственно переживать, являться им, своими *спонтанными* предпочтениями и произвольными переменами в настроениях ощутимо на него влиять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.